№ 81

ЦЕНА 10 СЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 1934 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

10-й год издания

НАГЛЯДНЫЕ УРОКИ ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ

В прошлом номере „Дела Труда" мы указали на знаменательное явление, которое происходит в недрах американского пролетариата — на пробуждение классового самосознания и на проявление воли к действию. Мы выразили тогда уверенность, что за этим сознанием неизбежно должно придти и действие. Мы не обманулись. Нам не пришлось долго ждать — действие пришло и пришло оно в форме неожиданной и внушительной всеобщей стачки в Сан-Франциско: явление, можно сказать, почти совершенно новое для Америки и в тоже время весьма знаменательное. Не менее знаменательными являются и слова В. Брауна, лидера союза грузовых шоферов Миннеаполиса, который, обращаясь к рабочим, спросил их: „Позволим ли мы этим людям (полиции) расстреливать нас, как собак, или мы начнем оказывать сопротивление?" Всеобщая стачка и слова Брауна свидетельствуют о чрезвычайно важном и глубоком повороте американского пролетариата, эксплоатируемого буржуазией и своими юнионными лидерами, сделавшими союзы, с помощью властьимущих, крепостью капитализма и источником личной наживы. Но рабочие союзы, как мы утверждали в прошлом номере, даже самые реформистские, самые желтые при благоприятных условиях могут осознать свою рабочую природу и истинную рабочую цель и из крепости капитализма стать его могилой. И вполне возможно, что сан-францисская всеобщая стачка явится началом такого превращения. Вполне возможно, что она станет исходным пунктом развития американского рабочего движения на новых путях, — на новых только, конечно, для Америки, — ведущих к революционной классовой борьбе, к признанию, единственно правильных, методов прямого действия и к постановке основной задачи пролетариата — уничтожение капитализма и государства. Таким образом американский пролетариата начинает подходить к тому, к чему давно уже пришел европейский пролетариат. И это вполне естественно и логично, ибо одинаковые причины порождают и одинаковые следствия. Выявление этих следствий задерживалось в Америке искусственно, но, как всегда и во всем, логика исторического развития несравнимо сильнее личных и классовых желаний. Процесс социального развития, как показывает долгий исторический опыт, идет по линии изживания современной государственно-капиталистической системы, этот процесс можно замедлить, но приостановить его нельзя. Не приостановила его, как показывают развивающиеся события, и капиталистическая Америка — это не по силам не только ей, но и всему Капиталистическому Интернационалу. Теперь, когда рабочие, против воли капиталистического телохранителя-Государства, и против воли Грина и всех остальных лакеев капитализма, вкусили сладость плода всеобщей локальной стачки, можно ожидать, что, рано или поздно, но неизбежно, придет и всеобщая национальная стачка, а за ней, а может быть и раньше, к американскому пролетариату придет и неизвестное ему до

сих пор, благодаря стараниям Гринов и Джансонов, чувство международной солидарности.

Можете себе представить как тогда перетрусит госпожа буржуазия, которая теперь от одной только локальной всеобщей стачки пришла в неописуемый ужас и впала в страшную истерику! А момент этот приближается с каждым днем: беспощадно проливаемая кровь бастующих рабочих цементирует рабочую солидарность и очищает затуманенный взор пролетариата в миллион раз лучше и скорее, чем устная и печатная пропаганда всех радикалов. Прекратить же расстрелы буржуазия не может, ибо жестокость — ее природа, террор — метод управления, следовательно, неизбежность и неотвратимость этого момента очевидна. Буржуазия понимает все это и понимает гораздо лучше, чем огромное большинство рабочих, поэтому-то она и борется с распространением идей всеобщей стачки с энергией человека, защищающего свою жизнь. Она, поэтому, проповедуя мораль, пускает в ход для защиты себя все средства, не заботясь о их моральности. Она не брезгует решительно ничем, она пускает в ход решительно все, что в той или иной мере может защитить и укрепить ее господство — клевета, ложь, обман, вероломство, подкупы, предательство, разжигание низменных страстей масс, наускивание одной части населения на другую, одной нации на другую, патриотизм, религия, (Христос для масс, а Маккиавелли для себя), погромы, убийства — все, все пускается в ход. Все это наглядно обнаружено всеобщей стачкой в Сан-Франциско.

В этом отношении является характерным реагирование буржуазии, в лице ее крупных представителей и прессы, которой нет, к сожелению, у пролетариата, на всеобщую стачку, которая только что закончилась в Сан-Франциско. Прежде всего буржуазия начала искать образцов подавления таких стачек. Английская всеобщая стачка 1926 г. оказалась таким образцом. Тогда правительство „кооперировало с добровольческими группами неселения“, т. е. организовывало штрайкбрехеров, стачколомов; газеты подчеркнули это обстоятельство и рекомендовали своему правительству поступить соотвествующим образом, что незамедлило сделать Сан-Францисское самоуправление: оно организовало погромные группы. Брисбейны отметили другую сторону борьбы английского правительства со всеобщей стачкой: они подчеркнули, что стачка была разбита не только публикой, но и законом, по которому „не только всеобщая стачка была об'явлена „незаконной“, но Палата постановила, что всякий, принимающий участие в подобной стачке, и рабочие лидеры, ответственные за призывы к ней, должны быть наказуемы конфискацией их собственности „до последнего фартинга“, а так же конфискацией союзных фондов“. Это напоминание одновременно есть рекомендация и требование, чтобы американское правительство поступило таким же образом, конечно, во имя демократии и прав большинства народа, которым, несомненно, ныне является никто иные как Брисбейны и их хозяева Горсты.

Главноуговаривающий генерал Джансон считает, исходя из интересов рабочих, что „стачки необходимое зло . . . но, как войны, они ничего никому не дают, кроме кровопролития и синяков“. Он абсолютно ничего не имеет против разрозненных стачек, в которых рабочие получают синяки, но он самым решительным образом, тоже в интересах рабочих, против солидарных, об'единенных стачек, всеобщих стачек, от которых получает синяки буржуазия, ибо для генерала такая стачка означает гражданскую войну, и генерал, конечно, в интересах всей нации, под которой генералы разумеют себя только, а рабочие думают, что и их тоже, кричал: „Стачка должна быть остановлена!“

Всеобщая стачка, внушал рабочим генерал, представляя диктатуру ничтожнейшего меньшинства, есть „диктаторское тиранническое правление меньшинства . . .“ „Это правление меньшинства. Это диктатура. Это конец демократии. Это тирания и она не может быть терпима свободным народом даже в течении одного момента“. Это классическое выражение буржуазной лжи и обмана неподражаемо и настолько сильно, что мистера Грина прошибла даже слеза умиления и он публично заявил, что рабочие Сан-Франциско допустили страшную ошибку. Генерал выражал уверенность, что „консервативные лидеры рабочих выиграют борьбу против всеобщей стачки“. К сожалению, он в этом не обманулся, оказывается, и в рабочем движении имеется достаточно людей, которые легко соблазняются правительственной ценой за голову Дилинжера и охотно разыгрывают роль „девицы в красном“ в течении многих-многих лет. К такому разряду людей, несомненно, принадлежит господин председатель А. Ф. Т. Грин, перепугайшийся всеобщей стачки больше, чем сама буржуазия, эксплоататор рабочей нищеты и лакей капитализма по призванию — для него, видите ли, договоры с хозяевами рабочие должны ставить выше симпатии к своим собратьям, и стачки по симпатии считать противными духу и букве А. Ф. Т.

Городской голова Питтсбурга, Мак-

Нейр, Сан-Францискую стачку обозвал „анархией“ и потребовал, чтобы все городские служащие Питтсбурга, состоящие членами юнионов, немедленно оставили их, потому что это ведет к правлению толпы, и чтобы они были лойяльны к городской администрации, которая отечески о них заботится. Порядок, устонавливаемый толпой, т. е. трудовой массой, есть „анархия“, а порядок, устонавливаемой золотой толпой, к которой принадлежат Мак-Нейры, есть, видите-ли, демократия, лояльность к которой — верх патриотизма. В какую бы буржуазную газету мы не заглянули, мы видим одного виноватого, одного бандита, одного Дилинжера, одного врага общества № 1 — бастующих рабочих, вторая сторона, представляющая народ, т. е. хозяева, есть невинная жертва этого ужасного бандита, против которого государство выступило с армией, полицией, бомбами, газами, пулеметами, артиллерией, танками, прессой, радио, театром, церковью, тюрьмой и деньгами. Этот коллективный бандит, т. е. пролетариат, выступает против всего этого с единственным оружием, насчитывающим за собой века и всегда победоносным, — с братской солидарностью.

Эту то вот рабочую солидарность в борбе Джансоны и называют „анархией“, „диктатурой меньшинства“, „тираннией“ и „гражданской войной“, „явлением неамериканским и непатриотическим“. Поэтому господа буржуа, прежде чем вступить в переговоры с рабочими, всегда требуют сложить это оружие и распустить стачку. Итак, выходит, что борьба рабочих против диктатуры эксплоататоров, борьба за подлинную экономическую и политическую демократию есть конец демократии, диктатура меньшинства — (Рабочие — меньшинство, а капиталисты — большинство, демократия!). Простая же борьба рабочих за кусок хлеба с маслом — красная революция, которая приведет к тому же, к чему привели Россию большевики, А между тем требования этой „красной революции“, совершенной доковыми рабочими, очень и очень скромны: 1) Признание хозяевами Союза; 2) Контроль союзами зал найма; 3) Увеличение заработной платы и 4) Уменьшение рабочей недели. Вот из за чего буржуазия подняла такой крик. Хозяева отказались удовлетворить требования рабочих, пригласили полицию, создали свое наемное войско — (чисто американское явление и, повидимому, с точки зрения американских законоведов, вполне конституционное и демократическое) — и под их охраной стали нанимать стачколомов. Протестующих забастовщиков 5-го июля расстреляли и для большей обеспеченности ввели в город 5,000 национальной гвардии штата Калифорнии. После этого идея всеобщей стачки быстро охватила рабочих и союз за союзом стали выходить на забастовку по симпатии, стачка приняла всеобщий характер. В среде буржуазии начался „великий трус“. Заработала машина капиталистической лжи — пресса, которая стала обрабатывать общественное мнение в пользу бедных хозяев против ужасных стачечников.

„Стачка вызвана радикальным меньшинством, среди которого имеются некоторые коммунисты, в целях индустриальной революции на Тихо-океанском побережье“. (Почему только на побережье — это секрет перепугавшихся буржуазных ворон, видящих в каждой стачке призрак своего конца).

„Лидер стачечного комитета моряков, Герри Бридж, — австралиец“. „Всеобщая стачка — результат агентов провокаторов“. „Стачечники хотят установить пролетарское правление“. Агенты русского правительства за спиной стачечников. Иностранцы — главный возбуждающий элемент. „Позволят ли сан-франциские рабочие, спрашивала буржуазная пресса, этим темным элементам захватить союзы и уничтожить их во имя своих темных целей?“

Отсюда истерические крики: „Войска, больше войска! Даешь военное положение! Выслать всех иностранцев! Привести в полное действие закон о криминальном синдикализме! Уничтожайте радикалов, как крыс! Организуйте добровольческие дружины граждан для погромов на радикалов! И черная сотня „истинно американских людей“, как в царской России, под водительством вице-председателя пароходной линии, Чарльза Вилера, начала орудовать: громить помещения рабочих союзов и клубов, уничтожать обстановку — (собственность, знаете-ли, священна и неприкосновенна только когда она в руках буржуазии) — и разламывать черепа рабочим. Страж порядка, — полиция — содержимый за счет трудового населения для угнетения этого же населения, всегда, конечно, как в России во время еврейских погромов, опаздывала прибыть на защиту демократических прав избиваемых! Рабочие, арестованные сотнями, только потому что они радикалы по предположению черной сотни и полиции — (вполне конституционная мера защиты свободы совести, политических убеждений и прочих гражданских свобод!) — загонялись в полицейские кутузки, как военно-пленные, и судья — живое олицетворение беспристрастия — „беспристрастно“ поносил арестованных и обещал их „беспристрастно“ судить по большевистскому образцу, всех

оптом, не занимаясь выяснением степени индивидуальной „виновности“ каждого в отдельности! А господин Брисбейн, оберлакей Горста, издеваясь над рабочими, так успокаивал своих хозяев: „Мощные танки армии Соединенных Штатов достаточно сильны, чтобы вспахать кирпичные стены и почти нечувствительны к бросаемым палкам, камням и бутылкам, произвели впечатление на публику, забастовщиков и др.“ Этот же Брисбейн, заполняющий бесчисленные газеты Горста, разыгрывая роль русских погромщиков: Пуришкевича и Маркова 2-го, оправдывает погромы и издевается над жертвами: „Те, которых громили, если они действительно были коммунисты и „красные“, стали жертвами „прямого действия“, которое, как известно, они сами рекомендовали. Они, поэтому, не в состоянии протестовать против методов, в которых нет необходимости там, где существуют суды“. Вот все это рабочие должны знать, соответственным образом понимать и расценивать. Рабочие должны заранее представить себе, на что будет способна буржуазия, когда дело действительно коснется вопроса ее существования, как класса. Рабочие не должны забывать, что имеется только две нации — пролетариат и буржуазия — между которыми не может быть мира, а только война, неотвратимо победоносная для пролетариата. Чем лучше пролетариат будет организован, чем яснее будет сознавать он свои цели и свою историческую миссию, тем скорее придет победа и воцарится мир, свобода и благоденствие на земле!

Г. Максимов.

Наступил ли конец господству национал-социализма?

(„Кровавая Суббота“ и ее последствия)

Мир был потрясен ужасными событиями, разыгравшимися в Германии. На какие убийства способны упоенные властью диктаторы, с какой нескрупулезной хладнокровностью они шагают через трупы, как растоптали они дух товарищества, товарищество по оружию, как предали они свои цели и вонзили кинжал в грудь своих ближайших соратников, когда они почувствовали, что их власти грозит опасность, — все это показал миру Гитлер.

Моральное возмущение буржуазной прессы, которая с ужасом отшатнулась от кровавых деяний Гитлеров, Герингов и их клевретов и осудила их во имя цивилизации, могло бы произвести впечатление, несмотря на его внутренную пустоту и хрупкость. Несколько месяцев тому назад австрийский канцлер Долльфус приказал перебить, может быть не с такой звериной жестокостью, сотни социалистических рабочих, тогда возмущение буржуазной прессы не звучало так громко и цивилизация не чувствовала себя поруганной. Долльфус убивал рабочих и социалистов, а Гитлер и Геринг убивают всех без различия, кто противостоит их воле к власти: их соратники, моральнопадшие ландскнехты, наследие последней мировой войны, плоть от плоти Гитлеров и Герингов, были также перебиты. Кажется наступили времена Чингиз-Ханов, Неронов и средневековых разбойных рыцарей. И эти древнегерманские кровавые дела одеваются в тогу добродетели Робеспьеровской строгости нравов: чтобы наказать, так называемых, педерастов и легкомысленных расточителей, вождь приказал перебить сотни своих лучших друзей, с которыми до этого шел и за которых держался.

Третья империя болеет и болеет не только безнравственностью своих вождей. Причины июньских событий лежат не в порочности вождей. Они лежат там же, где и все другие. Причины эти многообразны. Важнейшая из них — недовольство штурмовиков. Они чувствовали, что обмануты и что сам Гитлер надул их: „вождь“ не выполнил ни партийной программы, ни своих обещаний, капиталистическим кругам, дававшим деньги. Штурмовики оставались мавром, который сделал свое дело — привел к власти своих господ — и теперь может уйти. Мавр не хотел уходить. тогда его принудили. Райхсвер как раз подходил для этой операции. Офицерская клика, об'единяемая традициями, была „генералами“ коричневой армии, возбуждая к себе, благодаря своему плебейскому происхождению, ненависть. Вожди штурмовиков: Рем, Гейнес, Эрнст, Геллььдорф и их клевреты чувствовали угрозу своей власти. Они решили

ОДНИМ ДИКТАТОРОМ СТАЛО МЕНЬШЕ

Палач австрийских рабочих, Долльфус, по воле Наци, отправился к праотцам: убит 25-го июля сего года.

На нем оправдались слова Иисуса из Назарета — „первые будут последними, а последние первыми“: Долльфус пришел последним и ушел первым. Очередь за Гитлером.

заставить массы штурмовиков служить своим целям: они хотели оружием предотвратить неизбежность отставки.

Юнкера, промышленные бароны и банковские магнаты пользовались экономической и социальной властью, как при Веймарской конституции; Гитлер, однако, стал казаться им недостаточно надежной защитой их привилегий. Райхсвер, Гогенцоллерны, немецкие националисты и дворянские клубы казались им лучшей защитой. Национал-социализм был для них только орудием, которое уже отслужило себя, уничтожения рабочего движения. Теперь, по их мнению, пришло время, когда нужно выбросить за борт корабля национал-социалистический балласт. Папен был герольдом господствующих классов, а его марбургская речь — термометром, показывавшим сдвиг действительных внутренних и внешних условий власти. Между интересами консервативных элементов и интересами оппозиции штурмовиков пропасть расширялась и через нее невозможно было перекинуть мост. Ревнивость штурмовиков по отношению к стальным каскам дошла до открытого недовольства. А тут еще Шлейхер, который, благодаря своим открытым связам с монархистами райхсвера, юнкерами, индустриалистами и даже с рабочими союзами, тоже являлся постоянной угрозой Гитлеру и его свите. Так как убийство Шлейхера на законном основании было невозможно, то последний должен был быть подготовлен к тайному убийству.

Церковная угроза увеличивала еще больше нервозность диктатора. Массы национал-социалистической партии, во всем подчиняющиеся, верили в миф 20-ти столетий, тогда как мистику крови и рассы не позволялось совмещать это с церковной догмой. А между тем фанатические наци, после всего этого, читали, что Гитлер, с помощью Папена, устраивает конкордат с Ватиканом для того, чтобы прекратить пропаганду против развенчанного еврейского Христа. Германское язычество и римское христианство продолжали оставаться врагами. Затяжное же сопротивление сторонников Рима могло быть для Гитлера источником опасности; устранить же это сопротивление можно было только осадив назад своих собственных сторонников, но вождь не мог устранить, вызванного им самим духа Ватана, поэтому он вынужден был ревность своих последователей, штурмовиков, укротить силой.

Экономические дела идут все хуже и хуже, несмотря на то, что ловкий режиссер, министр пропаганды, в течении 16 месяцев пытается всякого рода надувательствами сляпать некоторую национальную экономическую солидарность. Все гигантскими шагами идет под гору: ни постройка рабочих лагерей, ни принудительная посадка на землю городских промышленных рабочих, ни набор рабочих в коричневую армию, ни даже некоторое оживление военной промышленности не могли вывести из экономического упадка. Заработная плата уменьшилась, а помощь безработным стала тощей. Доход 23 миллионов рабочих и служащих стал нищенским и покупательная сила масс дошла до минимума. Жировые карточки, недостаток текстильных товаров, рационирование суррогатных продуктов характеризуют первый этап четырехлетнего плана Третьей Империи. Мелкие промышленники имеют основание жаловаться больше, чем когда бы то ни было. К подозрительному голосу рабочих, от которых отняли не только политические свободы, но даже право повесить хлебную корзину немного выше, присоединяется страшное разочарование средних классов, действительных носителей массового национал-социалистического движения. Даже улучшение положения крупных крестьян, явившееся следствием повышения цен на сельскохозяйственные продукты, не произвело никакого впечатления на страну; тогда как новый закон о наследстве третьих сыновей создал среди крестьянской молодежи огромное недовольство. Страх перед новым падением денег, вызываемым чрезмерными субсидиями военной промышленности и уменьшением золотого запаса на 2%, приводит в трепет все население. Небольшому числу чинуш сейчас лучше, а огромной массе неселения хуже, чем до захвата Гитлером власти. Недовольство повсеместное, сильное брожение активной части населения — это социальный кризис, который ведет к какому то решению.

Опасность народного восстания, однако, устраняется, поскольку различные и самые разнообразные силы, направленные против режима, расколоты и раздираемы внутренней склокой. Но в общем положение весьма опасное для Гитлера и он желает устранить его. И здесь, как всегда, он пошел по линии наименьшего сопротивления. Организованное восстание могло быть только со стороны штурмовиков, ибо все остальные факторы политической жизни были давно уничтожены — против опасности со стороны юнкеров, промышленных магнатов и монархистов райхсвера были приняты предупредительные меры: Гоббельс лаял против реакции и грозил скрутить ее в бараний рог. Угроза шла только со стороны оппозиции штурмовиков и эта угроза, следовательно, должна была быть уничтожена. Штурмовики уже являлись помехой для власти в переговорах о немецких военных требова-

ниях. Для самой власти штурмовики нужны были постолько и так долго, поскольку и как долго существовал организованный противник, т. е. рабочее движение. Когда же этот противник был уничтожен, то для защиты власти и сохранения порядка в 3-й Империи было достаточно полиции, стальных касок и райхсвера. Отсюда, по неизбежным законам логики, вытекало: Гитлеру ничего другого не оставалось как ограничить власть штурмовиков, а самим штурмовикам, и особенно их вождям, ничего не оставалось как попытке их роспуска и ограничения власти противопоставить восстание. Гитлер предвидел эту борьбу и боялся ее, ибо мог потерять голову. Это предвидение толкнуло Гитлера напасть на противника внезапно, как бешенного, и с такой жестокостью расправиться с ним, параллель которой можно найти только в прошлых столетиях. Но Гитлер знал, что он может спасти себя только таким образом. Вот смысл массовых убийств Гитлером своих собственных собратьев. Гитлер, просто, опередил своих противников. Как в деле с поджогом райхстага, он и здесь действовал энергично, применяя совершенно неожиданные маневры. Расстреляв и переарестовав своих противников справа, он устранил опасность, которая висела над его головой. Проведенный задним числом закон, как в шекспировской драме, преступление ставит в заслугу, как законное дело, а самого преступника возводит в ранг спасителя отечества.

Июньские события не могут не оказать влияния на ход политического и социального положения в Германии. Уже сейчас начинают обрисовываться контуры новых факторов. Национал-социализм был массовым политическим движением. Таким он, несомненно, был, и таким он, несомненно, перестает быть. Поскольку штурмовики были его носителями, постольку они были его ударной силой — теперь это кончилось. Иллюзии исчезают, национал-социалистическая „идеология“ нашла себе могилу в июньских событиях. Еще до этого нити кризиса тянулись вглубь штурмового формирования, которое очень часто составлялось из рабочих; теперь власть Гитлера должна опираться на полицию и райхсвер. Национал-социалистическая партия будет также быстро с'еживаться, как быстро она расширялась раньше. Об осуществлении партийной программы больше никогда не будут думать, вождь и его приверженцы будут озабочены удержанием своих постов и остатков власти. Действительная же власть в государстве, подобно Польше, будет в руках военной клики. Это уже так. Позади этой клики стоят непримиримые грубые экономические интересы юнкеров и промышленников. Гитлер — их пленник больше чем когда бы то ни было. В первое время развал национал-социализма будет прикрываться насколько возможно, чтобы не обнаружить, что всякая надежда на осуществление национал-социалистической программы исчезла; Гитлер будет еще созывать партийные с'езды и, может быть, при благоприятных условиях, даже разрешит штурмовикам носить их форму. Пресса несомненно будет на стороне этого национал-социалистического прыжка. Первое время, конечно, будут еще преследоваться противники справа. Также и предприниматели, которые вздумают не подчиняться государственным установлениям, будут преследоваться. Однако, государство уже не будет носить национал-социалистический характер. Во всей Германии, с помощью Гитлера, к власти придут старые милитаристы. Власть перейдет в руки юнкерского класса и военной касты сообща с промышленными магнатами.

Убийство Шлейхера стоит, собственно, в противоречии с новым курсом. Со Шлейхером убит представитель того класса, который никогда не переставал стремиться к власти тайно, а теперь даже открыто. Некоторые генералы видят в этом убийстве их товарища черное пятно на одежде нового режима. Однако Гинденбург и юнкера одобрили эту режиссерскую ошибку... Индустриальные бароны тоже не уронили слезы над трупом Шлейхера, потому что он хотел основать свой режим на уступках рабочему классу, подобно тому как это делал Бисмарк.

Гитлер и его окружение пока победили. Однако это — Пиррова победа. Разбитая оппозиция штурмовиков будет стараться об'единиться и станет опасным, преисполненным жгучей ненависти противником. Наступит призрак новой кабалы.

Речью Папена тоталитарному принципу был нанесен первый удар. Райхсвер требует организации нового национального фронта, который в первую очередь должен быть взят политикой страны. При новом режиме церковь должна стать свободной — господствующие и владеющие не предполагают жить с ней в ссоре, ибо она нужна им как верховный духовный авторитет в защите их мирового господства. Антисемитская политика, конечно, может еще некоторое время служить средством отвлечения, но в общем новая власть откажется опираться на костыли рассовой идеологии, которая была неизбежна для национал - социалистической демагогии. Новая комбинация власти, однако, непреклонно будет продолжать направление курса первой фазы 3-ей Империи, которая закончилась 30 Июня: угнетение рабочего

движения не будет приостановлено, Гитлер и его движение пока останутся для капитализма служебными в целях уничтожения рабочих организаций. Кровавые методы подавления борющегося на классовой основе пролетариата будут применяться с прежним успехом. Рабочие, поэтому, не должны воображать, что новая военная диктатура добровольно вернет им свободы. Только путем внутреннего и внешнего давления, только силой и угрозой революционного восстания пролетариат может отвоевать права и свободу в теперешней Германии. Ничего с определенностью нельзя предсказать относительно продолжительности этой борьбы и ее последствий; однако, мы уже теперь можем предвидеть, что эта борьба приведет к окончательной победе социализма. На эту освободительную борьбу пролетариата сильно влияет экономическое положение Германии. В первой фазе 3-ей Империи экономическая жизнь страны еще больше приблизилась к пропасти. Если военной диктатуре с остатками национал-социалистических столпов не удастся скоро предотвратить падения в пропасть, тогда экономическая нищета возрастет, недовольство углубится и грядущей зимой может произойти восстание недовольных. Признаки экономического развала проявляются с большей силой. Грозит инфляция. Выходят хомяки. И, как во время мировой войны, снова принимает гражданство слово — „продержаться". Если не удастся господствующим немедленно установить автократию и вступить на новый путь, тогда не потребуется четырех лет, как во время мировой войны: конец, к ужасу господствующих, наступит раньше.

Возможно все же, что Гитлер сумеет предусмотреть это развитие, как предусмотрел своих противников, и пустит в ход все силы, чтобы еще раз направить недовольство масс по ложным каналам и тем самым удержаться у власти. С этой целью он даже может попытаться вести политику, которая привела к низложению штурмовиков. Он тогда действовал бы как все диктаторы от Цезаря до Сталина и Муссолини: уничтожать оппозицию, принимать ее цели и частично проводить в жизнь. Вступив на этот путь Гитлер уже не будет запугивать промышленников разными мероприятиями против них во имя укрепления государства. Такая политика была бы дальнейшим шагом к государственному капитализму, экономические и социальные затруднения не были бы разрешены, но недовольство широких масс на некоторое время было бы устранено и введено в колею. С такой тактикой Гитлер пережил бы наступающую зиму. Однако, разнообразные оппозиционные силы не были бы приведены к молчанию. Окончательный развал был бы отсрочен, но не устранен. Экономическая депрессия все еще не устранена и введение самых 100% государственных учреждений не сможет решить экономического кризиса. Так гитлеровский режим привел себя к кризису, из которого у него нет выхода. Связь с райхсвером означает, конец национал-социалистических целей. Гитлер не может больше проводить свою национал-социалистическую программу. Капитал и национальные силы, которые он укрепил, держат его в своих когтях. Гитлер зашел слишком далеко, чтобы он мог теперь свернуть с этого пути.

Для угнетенных теперь положение становится яснее. Последняя демагогия потеряла свое покрывало. Против класса милитаристических, юнкерских, промышленных и коммерческих эксплоататоров и угнетателей стоит класс и масса разочарованных, угнетенных и подвластных. Сейчас трудно предсказать освободят ли они себя новой революцией или будут брошены в ад новой войны.

Августин Зухи.

ЭРИХ МЮЗАМ

Буржуазные газеты принесли из Германии печальную весть для международного анархизма, для всех честных сторонников свободы и равенства, для всех культурных людей: — в концентрационном лагере покончил „самоубийством" Эрих Мюзам, революционер, анархист-коммунист, поэт и драматург. Вскоре после исторической „кровавой субботы", когда одни человеческие отбросы перебили другие отбросы, погибла крупная культурная сила, замученная сумасшедшими и полоумными буржуазными подражателями большевистских методов — гитлеровцами.

Международное Товарищество Рабочих неоднократно обращалось к интернациональному пролетариату с призывом стать на защиту жизни Мюзама. К сожалению, гитлеровцы, подобно большевикам, оказались нечувствительными к моральному давлению пролетарита, — их можно учить, как и всю буржуазию, только дубьем, да рублем, — и Мюзам погиб, как погибло и гибнет множество других менее заметных Мюзамов в Германии и во всех других странах диктатуры, всякой диктатуры.

Мюзам родился 6-го апреля 1878 года в Берлине. Окончив начальную школу, он поступил в аптекарские ученики, позднее же он целиком посвятил себя писательской деятельности. Перед войной он жил в кругу, который пользовал кафе как литературную и политическую трибуну. Мюзам писал обозрения, статьи, стихи и драмы. С 1911 г. по 1914 г. он издавал литературно-революционный периодический журнал „Каин". 7-го ноября, когда развернулась революция, Мюзам принял в ней активное участие, принимал участие в организации революционного рабочего совета, а позднее, после убийства черносотенцами Курта Эйснера, он, вместе с Ландауэром (крупный немецкий анархический писатель), Левинэ (коммунист), Толлером (ныне крупный немецкий писатель, коммунист), явился основателем Баварской Советской Республики. В трагические дни в Мюнхене, когда Баварская Советская Республика заливалась, с благословения немецкой социал-демократии — Эберта-Носке-Шейдемана — рабочей кровью, Ландауэр был зверски убит, Левинэ расстрелян военно-полевым судом, а Мюзам осужден на 15 лет крепости, из которой он вышел, под напором общественного мнения, 6 лет спустя, 25 декабря 1924 года. После этого он проживал в Берлине.

В политике Мюзам не является выдающейся фигурой, он целиком посвятил себя литературной деятельности и изданию журнала „Фанал" („Пламя"). Его драмы „Иуда" и „Государственные права" несколько раз ставились на сцене. Незадолго до фашистского переворота из печати вышел том его стихотворений. По убеждениям Мюзам анархист-коммунист, большой поклонник и почитатель П. А. Кропоткина.

Мюзам был арестован гитлеровцами 1 марта 1933 г. Он был разбужен рано утром и принужден был оставить кровать в одном белье. Его арестовали и содержали в концентрационном лагере без пред'явления каких бы то ни было обвинений.

7-го апреля 1933 г. его перевели из Берлина в лагерь в Сонненбурге. По пути обращались с ним жестоко. Газета „Сонненбургер Анцайгер", в номере от 7-го апреля, сообщала:

> „Сонненбург, Апрель 7-го. Другой транспорт арестованных, около 60 человек, доставлен вчера берлинским начальником полиции в Сонненбургский концентрационный лагерь. Распевая националььй гимн, арестованные проследовали с вокзала в бывшую тюрьму. Дубинки берлинской вспомогательной полиции частенько помогали арестованным".

В этой партии находился и Эрих Мюзам. Ему выбили зубы, разбили очки и угощали пинками. Жестокое обращение продолжалось с ним и в тюрьме, где пытались, ради потехи над анархистом и евреем, выстречь на его голове фашистскую свастику. Издевательства и пытки не прекращались и Мюзам, с расшатанным крепостью здоровьем, не выдержал и „покончил самоубийством", а может быть был просто убит палачами немецкого народа и мировой культуры.

Когда наша Федерация приступила к изданию „Интернационального сборника — П. А. Кропоткин и его учение", то к Мюзаму обратились с просьбой принять участие в Сборнике. Мюзам в это время был занят постановкой одной из своих пьес и не мог принять активного участия в Сборнике, тем не менее он прислал нам великолепное стихотворение: „Петру Кропоткину", которое им было написано к 70-летию со дня рождения Кропоткина и которое украшает наш Сборник.

Мы можем сказать ушедшему товарищу словами, сказанными им Кропоткину:

> „И чтоб тебя за все вознаградить,
> „Мы будем дальше строить и творить,
> „Как ты учил . . . "

И что результатом этого строительства и творчества будет то, что ты предсказывал:

> ,Бодро будет плуг вести работник.
> „Будет женщина спокойно ждать ребенка.
> „В каждом доме радость будет беззаботна
> „И в саду душистом засмеется звонко.
> „Мирно будут ружья спать в музейных клетях.
> „Больше никому они не будут нужны.
> „В храмах, синагогах и мечетях
> „Слышен будет только говор дружный.
> „Глубочайшие запросы духа
> „Будут люди изучать любовно;
> „Будут крепко уважать они друг друга
> „И решать все споры полюбовно".

Г. М.

ТОВАРИЩИ!

Готовтесь к Федеративной Конференции, которая состоится 2-го и 3-го сентября в Детроите.

Свобода без социализма это — привилегия, несправедливость; а социализм без свободы это — рабство и скотство.

М. А. Бакунин.

ВНИМАНИЕ!

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР. — Их участь и положение — ужасные.

ДИКТАТУРА ИЛИ СВОБОДА

(Окончание)

Общество было атомизировано не стремлением к свободе, как это утверждают фашистские представители, так называемого, „тотального государства" (всеоб'емлющего государства) в Германии, но в силу ужасающего неравенства в экономических условиях и, главным образом, в силу существования самого государства, возрастившего монополизм, который, как раковая язва, разрушает тонкую клеточную ткань общественных отношений. Если бы общественный инстинкт не был естественным для человека — этот инстинкт человек получил в наследство уже на пороге истории человеческой расы и на протяжении всей своей истории он расширял и развивал его — то государство не было бы в состоянии свести людей в одно общество. Такая общественная единица не создается насильственным сцеплением элементов, принципиально несовместимых друг с другом. Человека можно заставить делать определенные вещи, если для этого имеется достаточная сила, но никогда нельзя привести его к тому, чтобы это насильственно навязанное делалось им с любовью и по внутреннему убеждению.

Имеются вещи, которые не могут быть навязаны даже всемогущим государством; для этого нужна любовь к человеку, живое сочувствие к радостям и страданиям другого, а для этого, в свою очередь, требуется проникновенное отношение человека к человеку. Принуждение не об'единяет, но раз'единяет, ибо в нем нет движущей силы подлинных социальных связей: духа, постигающего вещи, и души, сочувственно улавливающей чувства остальных людей и родственным образом связанной с последним. Нельзя сблизить людей, подчиняя их всех одному и тому же насилию. Наоборот, между ними создается лишь отчуждение и вызываются инстинкты эгоизма и обособленности. Социальные связи имеют смысл и выполняют свою цель глубочайшим образом лишь тогда, когда они основаны на добровольности и вытекают из внутренних потребностей человека. Только при таких отношениях, когда любовь к собственной свободе и чувство взаимной связанности глубоко срастаются, раз'единить их уже не представляется возможным.

Такого рода отношение не может быть создано государством, ибо оно вводит чуждый элемент в естественные взаимоотношения людей и верит, что оно может достигнуть принуждением того, что может быть дано только лишь свободой. Его носители пытаются исправить человеческую природу, чтобы сделать ее способной для взаимного сотрудничества, но они лишь развращают ее и наводят на ложный путь. Государство может организовывать механическим образом, его представители лишены дара органического творчества, ибо они постоянно чувствуют себя связанными регламентом и вместо жизненного разнообразия придерживаются однообразия.

Современный „человек массы" как будто и создан для фашистского движения. Развитие капиталистического индустриализма создало возможность националистических массовых внушений до степени, о которой раньше нельзя было и мечтать. В современных больших городах и сосредоточиях индустриальной жизни скучены миллионы людей, подвергающихся непрестанной душевной и духовной муштровке и выучке в определенном направлении посредством прессы, кино, радио, школы, партий и сотен других способов. Работа на фабрике крупной капиталистической индустрии стала механической, бездушной и потеряла для человека характер творческой радости, став опустошительной самоцелью, она унизила человека, низвела его до степени раба, лишила его самого дорогого и драгоценного: внутренной радости, получаемой от работы, и творческого устремления личности. Рабочий чувствует себя лишь частью машины, лишь ничтожным придатком к гигантскому механизму, в равномерности и монотонности которого замирает то, что является своеобразным звучанием личности. Для движений, держащихся, подобно фашизму, лишь на бездушной муштровке и механическом послушании, такое состояние является как раз кстати. Однако, несмотря на все это, и теперь имеется еще много скрытых сил и творческих инстинктов, которые, для того чтобы остановить страшное зло, охватившее ныне весь мир и грозящее низвергнуть его в бездну, необходимо заботливо взращивать. Требуется новый под'ем, возможный лишь только под знаком свободы, исключающей всякую авторитарную идею из круга его понятий, и находящий свое полное выражение в солидарном сотрудничестве людей. Это прекрасно сознают носители современной фашистской и националистической реакции. Вот почему они ненавидят свободу, которую рассматривают как „грех против святого

духа“ народности. Самодержавный деспотизм прошлых столетий мог опираться на „законное право“, на управление „божьей милостью“, но, тем не менее, все, что он делал, отражалось на нем самом, ибо его имя в глазах всего мира покрывало право и неправду и его воля считалась высшим законом в стране, которым все можно прикрыть. Национальное знамя прикрывает всякую неправду, всякую бесчеловечность, всякую ложь, всякий позор и всякое преступление. „Коллективная ответственность нации“ полностью подавляет чувство справедливости отдельного человека и заводит его так далеко, что он уже больше не чувствует неправды. Более того, эта неправда становится в его глазах хорошим, полезным, совершаемым „в интересах нации“. „Путь нового образования идет от гуманности через национальность к животности“, пророчески предсказал Гринпарцер.

Эта машина давит нас всей своей огромной тяжестью и превращает нашу жизнь в ад. Мы потеряли нашу человечность и превратились в „спецов“, людей специальности, людей дела, людей партии. Мы втиснуты под иго нации для того, чтобы поддержать в нас „национальную особенность“. Наша человечность совершенно исчезла и наши отношения к другим народам превратились в ненависть и недоверие. Мы жертвуем огромные суммы нашего годового дохода на защиту нации, в то время как все народы погружаются все глубже и глубже в нищету и нужду. Каждая страна напоминает вооруженный лагерь и следит за движениями соседей с подозрением и страхом, готовясь, в тоже самое время, принять участие в любой интриге и обогатиться за счет соседа. Естественным следствием всего этого является то, что каждая страна всегда должна отдавать свою судьбу в руки людей с эластичной совестью, ибо только такие люди и могут преуспевать в интригах внешней политики. Постоянное наблюдение за нашими поступками и мыслями нас ослабляет. Вот почему мы слышем крики о „сильном человеке“, призванном покончить с нашими бедствиями и нуждами. Взывание к диктатуре не является признаком силы, а является признаком слабости, несмотря на то, что те, которые кричат об этом, стараются казаться решительными. Обычно то, чего не достает человеку, является предметом его сильного желания. Чувствующий себя слабым ожидает спасения от силы другого. Трусливый и напуганный опускает руки и доверяет свою судьбу другим. Идея диктатуры заключает в себе отношение явно выраженной подчиненности. Даже тогда, когда диктатура вводится как мера переходного периода, она, как показывает практика, вынуждает своих носителей отклоняться все дальше и дальше от ее первоначальной цели. Это случается даже тогда, когда они, в самом начале диктатуры, искренне имеют в виду служение интересам народа. Случается же это не только потому, что, как говорил Прудон, каждое правительство стремится к увековечиванию себя, но главным образом потому, что всякая власть, в силу своей природы, лишена творчества и порождает злоупотребления. Обычно думают, что власть может быть употреблена как средство, но это средство скоро становится самоцелью и все остальное стушевывается перед ней и исчезает. Но так как власть сама по себе бесплодна и ничего творческого не может создать своими силами, то она, поэтому, должна все творческие силы общества поставить себе на услужение. Она должна облачаться в ложные одежды, которые прикрывали бы ее беспомощность, это приводит ее носителей к ложным представлениям и к сознательному обману ....

....

Народ не может быть освобожден путем установления над ним новой формы насилия, ибо всякая форма зависимости ведет к новой системе человеческого рабства. В этом отношении диктатура приводит к самым крайним результатам, ибо она подавляет всякое неблагоприятное суждение о деянии ее носителей, уничтожая, таким образом, всякую возможность глубже заглянуть в положение и найти методы его улучшения. Вот почему безусловно необходимо, чтобы свободнические элементы тех стран, которые еще не захлестнуты волной открытого фашизма, не теряли ни одной минуты и начали готовиться к отпору. Они должны это делать, если хотят избежать судьбы германского рабочего класса и германского народа вообще. Народные массы и две трети европейских стран уже находятся под игом диктатуры, поразившей общество, как эпидемия. Всеми силами необходимо бороться против опасного легковерного упования на государство и особенно необходимо вновь оживить в трудовых рабочих массах чувство свободы, чтобы они начали снова понимать, что их будущее в их собственных руках и что они сами кузнецы своей судьбы. Ужасная катастрофа разразилась над миром. Горе нашему миру, если он не найдет в себе силы противостать против страшной опасности и смело выступить против сил бездны, протягивающих свои кровавые руки к сердцу человечества.

Р. Рокер.

ПОЧЕМУ БУНТУЮТ ФАРМЕРЫ?

Если рабочие промышленных городов, доведенные до отчаяния хроническим голоданием и удушающим их капитализмом, бунтуются, устраивая всякого рода забастовки, внушительные демонстрации, походы и даже захваты городских управлений, то это вполне понятно: рабочие борются с угнетателями-эксплуататорами. Но отчего бунтуются американские фермеры, имеющие свое хозяйство и землю? Ведь фермер — сам себе хозяин и не чета пролетарию, вынужденному продавать свои руки хозяину, почему он бунтует?!

На первый взгляд кажется, что положение фермера безмерно лучше положения пролетария, а на самом деле оказывается, что положеие одного и другого — бедственное, ибо фермер, хотя и является номинальным собственником земли и имущества, находящегося в его владении, закабален по-уши финансовому капиталу: земля и имущество заложены под закладные и ссуды, по которым фермер обязан платить очень высокие проценты, а с ними и подати правительству.

В годы „просперети" задолженность фермеров и налоговое бремя были значительно меньше и не ощущались столь остро, как в годы экономического кризиса, начавшегося после знаменитого биржевого краха осенью 1929 г., когда крупные финансовые акулы, проглотив среднюю и мелкую буржуазию, спекулировавшую на бирже, устремились на фермеров с определенной целью „ликвидации их, как класса". Отсюда началось постепенное понижение цен на продукты сельского хозяйства, доходность с которого становилась с каждым годом все меньше и меньше.

По данным министерства земледелия валовая доходность фермеров составляла в 1929 г. 12 миллиардов долларов из 85 млр. д. общенационального дохода, в 1930 г. — 9 млр. д. из 77 млр., в 1931 г. — 7 млр. д. из 45 млр. и в 1932 г. — 5 млр. д. из 40. Доходность с хлопка упала с 1,389 млн. д. в 1929 г. до 397 млн. д. в 1932 г., а доходность с животноводства снизилась с 6,5 миллиардов долларов в 1929 г. до 3 млр. д. в 1932 р. Иначе говоря, доходы среднего американского фармера составляли в 1929 г. — 840 д., в 1930 г. — 560 д., в 1931 г. — 340 д., а в 1932 и 33 годах фармеры вынуждены были прибегнуть к забастовкам, которые не дали им существенного улучшения, хотя и сопровождались ожесточенной борьбой.

Что же касается фармерской задолженности, то, по данным того же министерства земледелия, задолженность фармеров по закладным увеличилась в три раза по сравнению с довоенным временем: в 1910 г. она составляла 3,320 млн. долларов, в 1920 г. — 7,858 млн. доллар. и в 1930 г. — 9,241 млн. д. Вследствие участившихся в 1931 г., а в особенности в 1932 и 33 годах, аукционных продаж фарм, фармерская задолженность по закладным уменьшилась на 8% и составляет 8,500 млн. д. Весь же фармерский долг достигает 12 миллиардов долларов, из которых 70% причитается страховым и кредитным компаниям (40%), земельным и другим банкам (30%) и частным лицам (30%).

Наибольшая задолженность (60%) выпадает на долю 12 северо-западных штатов: Огайо, Индиана, Мичиган, Иллинойс, Висkансин, обе Дакоты, Айова, Небраска, Монтана, Кензас и Миссури. В этих штатах насчитывается 33% всех американских фарм, земля и постройки которых оцениваются больше чем на половины стоимости всех фарм, находящихся в Соед. Штатах. Остальные 40 процентов фармерской задолженности выпадает на долю западных штатов (14,5%), южных средне-западных (13,5%), северо-атлантических (6,5%) и южно-атлантических штатов (5,5%).

Одни проценты по закладным, достигающие 900 млн. д. в год, и налоги, поглощавшие в 1914 г. 4% общей фармерской доходности, в 1929 г. — 11% и в 1933 г. — 20%, столь возросли, что фармеры оказались не в силах их выполнить, ибо цены на продукты сельского хозяйства упали на 60% в годы депрессии и теперь они составляют около 70% довоенных цен, а на промтовары — 120%. Это значит, что фармеру приходится на всем переплачивать торгово-промышленному капиталу и для оплаты одного и того же счета в прошлом году требовалось в 4 раза больше фармерских продуктов, чем в 1914 г. Высокие проценты и непомерные налоги, в связи с понижением цен спекулятивным капиталом на продукты земледелия, повергли американских фармеров в отчаяние и привели к забастовкам и бунтам.

Бушель пшеницы приносил фармеру в 1914 г. — 90 сентов, а в 1932 г. — 15-25 сентов, а в прошлом году не более 30 с. за 60 фунтов, тогда как за фунт хлеба потребитель платит 8-9 сентов. Отсюда видно, что то, что уплачивает в среднем спекулянт фармеру за бушель пшеницы в 60 фунтов, он получает с потребителя за 1 ф. хлеба! То же самое с рожью, овсом, ячменем и т. д. Быки и коровы продавались по 2, 3 и 4 дол. за штуку, свиньи по 2 дол., дюжина яиц — 4 сента, молоко — 2-3 сента кварта, а потребительские

цены не только в десятки, но и во многие сотни раз выше тех, которые спекулянты платят фермерам. Если мясник покупает быка или корову за 4 доллара, то, взяв минимальный вес в 300 фунтов и минимальную рыночную цену в 20 сентов фунт, торговец выручает от перепродажи в 1,500 раз большую сумму, чем та, которую затратил он на покупку.

Капиталистическая система построена не на удовлетворении потребностей населения, а исключительно на ПРИБЫЛИ: чем меньше на рынке товаров и больший спрос на них, тем выгоднее для спекулянтов, ибо цены вздуваются и они получают большие барыши. С этой целью крупные посредники-спекулянты сплошь и рядом уничтожают „излишки", дабы удержать диктуемые ими потребителю высокие цены. Так, например, в Соед. Штатах выбрасываются в море „излишки" фруктов, уничтожаются фруктовые деревья, а фермеры, не имея за что купить уголь, топят печи кукурузой и хлебным зерном. В Южной Америке паровозы отапливаются пшеницей. В Канаде сожжено было 2 млн. бушелей пшеницы; в Австралии уничтожено было около миллиона баранов; в Бразилии выброшены сотни тысяч мешков кофе в море и правительство употребляет кофе, как топливо на ж-д. и пароходах; в Египте сожжено 150,000 кип хлопка; в Голландии уничтожено около 200,000 свиней, а в Дании около 50,000 дойных коров; в Мексике уничтожены правительством огромные количества бананов. Все это делается для поднятия цен и большей наживы с расчетом на выколачивание денег из трудящихся, которые в большинстве случаев таковых не имеют. Наглость и подлость жадных шакалов капитализма не знает пределов: пищевые продукты уничтожаются ими тогда, когда в них ощущается острый недостаток теми, кто остался безработным и без денег. Вот что обостряет классовый антагонизм, увеличивает бандитизм и ведет к частным забастовкам и бунтам рабочих и фермеров, ведущих с ними неустанную борьбу за жизнь под солнцем.

Фармеры, прижатые финансовым и торгово-промышленным капиталом к стенке, взвыли: вначале они посылали свои жалобы в Конгресс своим представителям и сенаторам, указывая на общие финансовые затруднения и мытарства, потом выступили с резкими осуждениями существующих порядков, говоря, что „лучше опрокинуть всю экономическую систему и начать все сызнова, чем продолжать то, что делается ныне", что „надвигается настоящее восстание, а законодатели хотят продолжать игру на скрипке, когда горит Рим", что „революция может вспыхнуть в любой момент" и т. д. и т. п. Затем фармеры, не дождавшись помощи от законодателей, приступили к прямому действию, направив свои усилия на борьбу с капиталом и властью, что сенатор Бора охарактеризовал, как революцию.

Действительно, то, что творилось в 1932 и 33 годах во многих местностях Соед. Штатов, носило характер революционных выступлений, ибо неповиновение или сопротивление властям, бессильным по тем или иным причинам бороться с организованными выступлениями фермеров, нельзя было иначе назвать, как революционными. Правда, дело не доходило до крупных вооруженных столкновений, за исключением мелких случаев, однако угроза революции надвигалась на страну, так как классовый антагонизм и борьба все больше обострялись и усиливались вовлечением в борьбу новых слоев трудящегося населения.

Обыкновенно при забастовках союз фармеров прекращал доставку в города пищевых продуктов и высылал на дороги пикетчиков, которые останавливали поезда, грузовики и телеги; и если находили в них продукты сельского хозяйства, то уничтожали или портили их: зерно рассыпалось, молоко разливалось, птица выпускалась из клеток, а грузовики или телеги опрокидывались, иногда поджигались и даже взрывались ж-д. мосты. А когда назначалась распродажа движимого и недвижимого имущества несостоятельного фармера за долги или неуплату налогов, то на аукцион приходили сотни спокойных, но решительных фармеров, которые не допускали об'явленной распродажи. Под угрожающим наступлением фармеров на адвокатов, агентов страховых, кредитных и земельных компаний и шерифов — аукцион обыкновенно кончался тем, что имущество продавалось на законном основании за гроши и владелец оставался на своей фарме, ибо скупщики-фармеры тут же возвращали купленное ими на торгах имущество разорившимся соседям.

Чтобы судить о настроениях и решительности фармеров, достаточно указать на принятую в мае 1933 г. Всеамериканским Фармерским с'ездом в Де Мойнсе, на котором присутствовало 1,500 делегатов от 24 земледельческих штатов, — резолюцию, рекомендующую фармерам „прибегать к силе, если все другие средства и обращения к денежным лордам не помогут", и предупреждавшую, что об'явление военного положения „может вызвать всеобщую кровавую революцию", ответственность за которую падет на головы „тех, которые воображают, что в наше время свободных граждан можно запугать, подавить и подвергнуть издевательствам с

помощью военной тирании и поставить их в условия жизни, напоминающие прежнее рабство и крепостничество". С'езд выразил сожаление по поводу фермерских бунтов в Ле Марсе, но еще большее возмущение „бесчеловенчой программой, сделавшей подобные события неизбежными".

Такая решительность и упорное сопротивление фермеров, мужественно выступивших на защиту своих жизненных прав и самочинно срывавших торги, дававшие банку или страховому обществу всего лишь несколько долларов на покрытие задолженности в несколько тысяч по закладной, привели к приостановке торгов. Финансовые тузы забили тревогу. Штатные и федеральные власти вняли их голосу и вынуждены были об'явить мораторий, якобы для блага задолжившихся фермеров, фактически приостановивших, по выражению президента одной земельной компании, действия законов. Интересно отметить, что фермерские бунты происходили именно в тех земледельческих штатах, на которые падает наибольшая задолженность и которые по своему значению являются наиболее ценными.

Чего же добивались фермеры в своих выступлениях? Что требовали, чего хотят? Прежде всего они требовали денежной инфляции. При Хувере цены на сельско-хозяйственные продукты начали быстро падать, что было вызвано дефляцией и снижением заработной платы. Вследствие этого трудовое население Соед. Штатов, как главный потребитель хлеба, мяса, молока и других земледельческих продуктов, потеряло прежнюю покупательную способность, ибо деньги очутились в руках небольшой кучки городских спекулянтов, поэтому фермеры остались без покупателей, а безденежные рабочие — без сельско-хозяйственных продуктов. Начатая Рузвельтом частичная инфляция — повышение цен на продукты—еще больше ухудшила положение промышленных рабочих, получающих нищенское жалованье, о чем свидетельствуют участившиеся за последнее время ожесточенные забастовки. Зарплата, по статистическим данным, повысилась в среднем на 1%, а продукты потребления подскочили в цене на 3%. Ясно, что покупательная способность городского рабочего упала на 2%.

Дальше фермеры требовали об'явления моратория на платежи по закладным, чего они добились, и уменьшения налогов, поглощающих 25% фермерских доходов. При снижении налогов и процентов по закладным фермеры не нуждались бы ни в какой правительственной помощи, о чем фермеры из Миннесоты отправили в Конгресс петицию, гласящую, что „мы, грязные фермеры, требуем немедленной отмены рыночного закона, роспуска фермерского совета и скорейшей ликвидации его дел, а также прекращения всей деятельности, касающейся помощи фермерам. Мы хотим только такого сокращения правительственных расходов, чтобы наши налоги были понижены на 50%; мы хотим также понижения процентов по нашим долгам и справедливой тарифной защиты. Когда все это будет сделано, тогда оставьте нас в покое".

Здесь уместно заметить, что по сведениям подкомиссии Конгресса правительственные расходы возросли за последние 20 лет на 400%. Содержание государственного аппарата обходится населению Соед. Штатов почти в 13,5 миллиардов долларов, в то время как доходы фермеров и рабочих не превышают 10 миллиардов долларов, тогда как доходы крупных промышленников, коммерсантов и спекулянтов составляют 30 миллиардов долларов, не считая тех, которые они получают по купонам от государственных облигаций, не подлежащих обложению налогами. Отсюда видно, почему бунтуют американские труженики — рабочие и фермеры: как одних, так и других обирают спекулянты и государство, а крупные финансовые воротилы, как Морганы, Мелоны и прочие, не платя налогов, делают миллиарды и живут паразитами на теле трудящихся масс Америки.

В конце октября прошлого года по земледельческим штатам прокатилась наиболее сильная волна ожесточенных фермерских забастовок, об'явленных Национальной Ассоциацией Фермеров, насчитывающей свыше 2 млн. человек. В прокламации, выпущенной ассоциацией, говорилось о том, что фермеры не будут платить налогов, прежде чем не будут удовлетворены нужды их семей; не будут платить долгов, пока не будут возмещены все их издержки по производству; не покидая своих домов, будут противиться всяким аукционным продажам; не будут покупать товаров, кроме самого необходимейшего, и продавать продуктов ниже себестоимости, но обменивать их с рабочими и безработными на вещи, нужные на фармах, на основе себестоимости для обоих сторон. Забастовка, охватившая 21 штат, длилась около месяца и сопровождалась избиениями. В 5 хлебородных штатах было мобилизовано 70 тысяч человек для борьбы с бастовавшими фермерами, мобилизовавшими в свою очередь 250,000 человек. Под руководством ветеранов были организованы во многих местах воинские отряды фермеров, обстреливавшие поезда, взрывавшие молочные заводы, ж-д. мосты и проч.

Администрация Рузвельта, проводящая

„реформы“, выгодные корыстолюбивым и жадным предпринимателям, пользуюся НРА для увеличения своих доходов за счет рабочих и фармеров, приняла новую земельную политику, сводящуюся к „плановости“ и „стабилизации цен“ на сельско-хозяйственные продукты.

Если новая экономическая политика (НРА) в целом провалилась, о чем свидетельствует доклад комиссии Кларенса Дарроу, обследовавшей по поручению президента Рузвельта 8 главных индустрий и пришедшей к заключению, что кодексы НРА в угольной, сталелитейной, электрической, резиновой, кинематографической и прочих индустриях помогают лишь крупным предпринимателям в ущерб малым, не говоря уж о рабочих и фармерах, то плановая политика стабилизации цен также потерпела крах, потому что все планирование Рузвельта построено было для денежных тузов с целью выжать из тружеников последние соки. Если некоторые индустрии, как сталелитейная, увеличили зарплату трудящимся на 10%, то и тут остаются в барыше не рабочие, а предприниматели, ибо стоимость труда, составляющая 20% рыночной цены на сталь, при увеличении зарплаты рабочим на 10% повышает ее стоимость лишь на 2%, тогда как цены на сталь повышены на 7%, что составляет в 3,5 раза больший заработок капиталистов, чем „увеличенные“ заработки рабочих.

По мнению правящего Вашингтона стабилизация цен на земледельческие продукты может быть достигнута **уменьшением** посевной площади. С этой целью правительство заключило с фармерами 500,000 контрактов на сокращение посевной площади, которая в текущем году уменьшена на одну восьмую предыдущего 1933 г., т. е. на 44,000,000 акров, при чем правительство согласилось уплатить от 10 до 17 долларов за каждый пустующий акр земли, вполне пригодной для земледелия, но по „плановости“ представляющей „излишки“. Это требует огромных средств, которые взыскиваются с потребителей сельско-хозяйственных продуктов первой жизненной необходимости. По отчетам государственного казначейства таких налогов взыскано с населения Иллинойса 28,779,000 д., а выдано фармерам за сокращение посевной площади 1,693,224 д.; с населения штата Нью Иорк взыскано 24,500,000 д., а выдано фермерам — 54,-327 д.; Пеннсильвания уплатила 7,221,665 д., а фармеры получили — 628,000 д. и т. д. Одним словом, в барышах остаются все теже спекулянты и чиновники, живущие трудом рабочих и фармеров.

Следует еще добавить, что вследствие небывалой засухи в 11 северо-западных хлебородных штатах 75% урожая хлебов погибло, а из-за недостатка корма и воды падеж скота во многих местах принял огромные размеры. Многие фармеры остались не только без скота, но и без продуктов для собственного существования. Теперь уже оказывается федеральная помощь 5,000,000 фармеров. Пылевые облака, тяжестью в 300 млн. тонн, пронесшиеся над средне-западными штатами шириною в 1,000 и длиною в 1,500 миль, причинили огромный вред посевам; в некоторых местах переносная пыль покрыла землю толщиною в 4 фута. Как видно, природа сама позаботилась о сокращении урожая хлебов, о чем „плановики“ даже не подумали, но чему хищные спекулянты радуются, ибо всякое народное бедствие сулит им огромные барыши.

Из всего вышеизложенного явствует, что главную роль в эксплуатации и угнетении рабочих и фармеров играет **капитализм,** против которого должна быть направлена об'единенная борьба американских тружеников, борьба за упразднение архаической, несправедливой системы обирательства несколькими личностями трудового населения Америки. Иными словами — борьбу трудящихся следует направить на осуществление идеи подлинной СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАВЕНСТВА (в правах и обязанностях), СВОБОДЫ и БРАТСТВА народов. Сюда включается и борьба за удовлетворение повседневных нужд и улучшение положения тружеников.

К. Филиппович.

БЕСЕДЫ С БАКУНИНЫМ

ВТОРАЯ БЕСЕДА.

О деятельности во время революции и о гражданской войне

В. Прошлую беседу мы посвятили социальной революции, сегоднешнюю беседу я хотел бы посвятить вопросу о деятельности анархистов в революции, о их тактике и об их отношении к гражданской войне. Итак, я хочу спросить вас: какова должна быть тактика анархистов во время революции? В связи с этим вопросом я ставлю и другой, а именно: следует ли во время революции, как это делали и собираются делать многие анархисты, больше заботиться о чистоте анархической мантии, т. е. всегда ли должно высоко держать знамя теоретических принципов и отказываться от практического дела, которое в той или иной мере давало бы возможность претворять принципы в факты?

Бакунин. Во время революционной бури „будем мало говорить о революции, но будем делать много. Предоставим... другим развивать теоретические принципы социальной революции и удовольствуемся тем, что будем широко применять их, **воплощать их в факты.**

Те из наших близких и друзей, которые хорошо меня знают, быть может будут удивлены, что я так теперь говорю, я, который так много занимался теорией и который всегда проявлял себя ревностным и ярым стражем принципов. Но, ведь, времена изменились. Тогда, еще год тому назад, мы готовились к революции, которую мы ждали, — одни раньше, другие позже, — а теперь, чтобы не говорили слепцы, мы в периоде революции. — Тогда было абсолютно необходимо держать знамя теоретических принципов высоко, выставлять эти принципы во всей их чистоте, чтобы образовать партию; пусть малочисленную, но состоящую исключительно из лиц, искренно, всецело и страстно преданных этим принципам, так, чтобы каждый, в момент кризиса, мог рассчитывать на всех других. Теперь дело уже не в наборе людей. Нам удалось, худо ли, хорошо ли, образовать небольшую партию — небольшую в отношении числа лиц, примыкающих к ней с полным знанием дела, громадную, что касается ее инстинктивных сторонников, народных масс, нужды которых она представляет лучше, чем всякая другая партия. Теперь мы должны все вместе пуститься в революционный океан и отныне распространять наши принципы не словами, а **делом, — ибо это наиболее народная, наиболее могучая и наиболее неотразимая пропаганда».** («Письма к французу». Т. IV, стр. 176-177).

В. Насколько я вас понимаю, вы рекомендуете политику замалчивания своих принципов, по крайней мере, при некоторых обстоятельствах. При каких же условиях и обстоятельствах такое замалчивание допустимо, по вашему мнению?

Бакунин. «Будем иногда молчать о наших принципах, когда политика, т. е. наше временное бессилие по отношению к враждебной нам силе этого потребует, но будем всегда безжалостно последовательны в действиях. Все спасение революции в этом». (Там же и те же страницы).

В. Я хочу задать вам чрезвычайно важный вопрос, касающийся тактики во время революции; этот вопрос навеян мне марксистами, которые собираются копировать приемы якобинцев, а большевики уже копируют. Вопрос этот таков: должны ли революционные социалисты и анархисты в чем либо подражать якобинцам во время революции?

Бакунин. «Революционные социалисты наших дней не должны ни в чем, или почти ни в чем, подражать в революционных приемах якобинцам 1793 г. Революционная рутина погубит их. Они должны работать в живом теле, они должны все создавать». («Письма к французу», т. IV, стр. 177-178).

В. Во время революции приходится сталкиваться с чрезвычайно важным и сложным вопросом, являющимся основным для революции, это вопрос, так называемой „революционной власти". Опыт показывает, что во всех революциях незамедлительно появляется „революционная власть" и этот же опыт показывает, что эта власть становится не только малодеятельной, но и препятствием для революции. Чем вы об'ясняете, что все революционные власти мира так мало делали революцию, в чем главная причина этого?

Бакунин. «Главная причина, почему все революционные власти мира так мало делали революцию, **в том, что они всегда хотели делать ее сами, своей собственной властью, своей собственной силой,** что всегда приводило к двум результатам: вопервых, это чрезвычайно суживало революционную деятельность, ибо невозможно даже для самой умной, самой энергичной, самой откровенной революционной власти обнять сразу массу вопросов и интересов, так как всякая диктатура, как личная, так и коллективная, поскольку она состоит из

нескольких официальных лиц, необходимо очень узкая, слепая и не способна ни проникнуть в глубину народной жизни, ни обнять всю ее широту, — также как невозможно для самого большого корабля измерить глубину и ширину океана. Во-вторых, потому что всякий акт власти и официальной силы, поставленной законом, будит в массах чувство глубокого протеста, реакцию». («Письма к французу», Т. IV, стр. 176-177).

В. Что же должны делать революционные власти, чтобы расширить и организовать революцию?

Бакунин. **«Они должны не сами делать ее, путем декретов, не навязывать ее массам, а вызывать ее в массах. Они должны не навязывать им какую-нибудь организацию, а, вызывая их автономную организацию снизу вверх,** под сурдинку действовать, **при помощи личного влияния, на наиболее умных и влиятельных лиц, каждой местности,** чтобы эта организация насколько возможно отвечала нашим принципам. Весь секрет нашего торжества в этом. Что такая работа сопряжена с громадными трудностями, кто в этом сомневается? Но неужели думают, что революция детская игра и что можно делать ее не победив бесчисленных трудностей? («Письма к французу», Т. IV, стр. 177-178).

В. Но неужели вы думаете, что может быть такая „революционная власть", которая решилась бы поступать так, как вы рекомендуете? Исторический опыт показывает, что всякая власть стремиться увековечить себя, а это стремление, как вы сами знаете, ведет к гибели революции. Я спрашиваю вас, мыслите ли вы такую революционную власть, которая бы могла поступать так, как вы советуете?

Бакунин. «Я без боязни могу высказать убеждение, что если завтра будут установлены правительство и законодательный совет, парламент, состоящий исключительно из рабочих, эти рабочие, которые в настоящий момент являются такими убежденными социальными демократами, после завтра станут определенными аристократами, поклонниками, смелыми и откровенными или скромными, принципа власти, угнетателями и эксплоататорами». («Бернские медведи и Петербургский медведь», Т. III, стр. 22-23).

«Мы действительно враги всякой власти, ибо знаем, что власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплоататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие — рабами». («Государственность и Анархия», Т. I, стр. 238).

«Таким образом — не надо никакого внешнего законодательства и никакой власти»... («Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция», Т. II, стр. 168).

В. Если дело обстоит так, как вы говоирте, то, спрашивается, каково же должно быть отношении к „революционной власти", которая несомненно попытается „навязать себя, как вы говорите, народным массам в качестве официальной власти"?

Бакунин. «Буржуа Праги..., бесконечно более умеренные, чем Гусситы деревень, в 1419 г. выбрасывали, по стариннному обычаю страны, в окна сторонников императора Сигизмунда, когда этот бесчестный клятвопреступник имел наглую, циническую смелость заявить себя претендентом на вакантную корону Богемии. Хороший пример, достойный подражания! Так следовало бы поступать, в видах всемирного освобождения, со всеми, кто захотел бы навязать себя народным массам в качестве **официальной власти,** под какой бы маской, под каким бы предлогом и под каким бы наименованием это не было». («Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция», Т. II, стр. 125).

В. Вы рекомендуете ни в чем не подражать якобинцам французской революции 1793 г., значит, вы являетесь противником смертной казни и революционного, красного террора, направленного против буржуазии и контр-революционеров. В ваших ответах я замечаю вопиющее противоречие: вы рекомендуете не подражать якобинцам — здесь вы против террора, затем вы рекомендуете подражать пражским буржуа — здесь вы за террор. Как все это понять?

Бакунин. Нужно различать стихийный террор масс, проявляемый ими в процессе борьбы, который стихийно же приостанавливается массами на второй день победы, от организованного террора юридически установленного. Террор пражских буржуа относится к первому порядку, террор якобинцев — ко второму.

«Дорогие друзья, одновременно с организацией городских рабочих вы должны употребить все средства, чтобы уничтожить барьер, резделяющий городской пролетариат от деревенского люда, об'единить и организовать эти два класса общества в один... Все другие классы должны исчезнуть с поверхности земли, не как личности, но как классы. Социализм не жесток, он в тысячу раз человечней якобинства, я хочу сказать политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, прекрасно зная, что все люди, дурные или хорошие, лишь неизбежный продукт того социального положения, ка-

кое создали им общество и история. Социалисты, правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции, в порыве гнева, народ не истребил несколько сотен лиц среди наиболее гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных; но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне.

Социализм будет вести беспощадную войну против „социальных положений", не против людей; и когда эти положения будут уничтожены, люди, занимавшие их, обезоруженные и лишенные всех средств практически действовать, станут безвредными и гораздо менее сильными, уверяю вас, чем самый невежественный рабочий; ибо их теперешняя сила заключается не в них самих, а в их богатстве и поддержке государства». («Послание моим итальянским друзьям», Т. V, стр. 200).

В. Я вполне согласен, что борьбу нужно вести против „социальных положений", а не против людей. Но ведь за этими положениями стоят люди, которые защищают их. Вести борьбу против социальных положений можно лишь после того, как господствующие классы будут физически побеждены. Не может быть, чтобы вы допускали мысль, что классы, обреченные историей на исчезновение, покорно, без борьбы сойдут с исторической сцены. Несомненно, как показывает исторический опыт, они будут свирепо защищать свое привилегированное положение с оружием в руках. В этом сомневаться не приходится. Значит, в городах и деревнях начнется гражданская война, как это уже имело место в России. Гражданская же война, как вы знаете, не щадит ни людей, ни вещей; она может погубить революцию, приведя все в состояние хаоса; она может погубить все общество, ибо люди будут пожирать друг друга, как дикие звери; и это, как мне кажется, неминуемо произойдет, особенно в деревнях. Как вы смотрите на все это?

Бакунин. «Конечно, вначале не все пойдет совершенно мирным путем, будет борьба. **Общественный порядок,** эта высшая святыня буржуа, будет нарушен, и первые явления, вытекающие из подобного положения вещей, могут представить из себя то, что принято называть гражданской войной». («Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция», Т. II, стр. 58).

«**Да, это будет гражданская война.** Но почему вы так клеймите гражданскую войну, почему так боитесь ее? Я вас спрашиваю, опираясь на историю, откуда вышли великие люди, великие натуры, великие народы, из гражданской войны или же из общественного порядка, навязанного какой нибудь охраняющей властью?»

Что касается деревень, то «я спрашиваю вас: что вы предпочитаете, чтобы ваши десять миллионов крестьян об'единились против вас в одну дружную, компактную массу, движимые общей ненавистью, вызываемой в их вашими декретами и революционными насилиями, или же, чтобы между ними была рознь, вызванная этой анархической революцией, что позволит вам образовать среди них могучую партию? Но разве вы не видите, что крестьяне так отстали именно потому, что гражданская война не внесла еще розни в деревню. Компактная масса представляет человеческое стадо, мало способное к развитию и мало благоприятное для пропаганды среди него идей. Наоборот, гражданская война, вызывая рознь в этой массе, пораждает идеи, создавая различные интересы и стремления. Душа, человеческие инстинкты существуют в ваших деревнях, им не достает ума. Гражданская война даст им этот ум.

Не бойтесь, что гражданская война, анархия, приведет к разрушению деревни. Во всяком человеческом обществе имеется большой запас инстинкта самосохранения, сила общественной инерции, которая предохраняет его против всякой опасности самоуничтожения, и которая именно и замедляет так и затрудняет революционную деятельность, прогресс. Европейское общество в настоящее время, как в деревнях, так и в городах, но в деревнях еще больше чем в городах, совершенно заснуло, потеряло всякую энергию, всякую силу, всякую самостоятельность мысли и действия под опекой государства. Еще несколько десятков лет, проведенных в таком состоянии, и этот сон, быть может, превратился бы в смерть». («Письма к французу», Т. IV, стр. 187-189).

«Не бойтесь, что крестьяне пожрут друг друга. Если бы они даже и захотели сделать это вначале, они не замедлили бы убедиться в материальной невозможности упорствовать на этом пути, и тогда можно быть уверенным, что они постараются согласиться между собой, договориться и сорганизоваться. Потребность питаться и питать свою семью и, следовательно, необходимость продолжать полевые работы, необходимость охранять свои дома, свои семьи и самую жизнь их от непредвиденных нападений, — все это несомненно вынудит их скоро вступить на путь взаимных сделок.

И не думайте также, что в этих сделках, **происходящих помимо какой бы то ни было официальной опеки,** единственно силою вещей, более сильные, более богатые будут оказывать преобладающее

влияние. Богатство богатых, не гарантированное более юридическими установлениями, перестанет быть могуществом. Богатые так влиятельны ныне потому, что, в силу заигрываний перед ними государственных чиновников, они специально покровительствуемы государством. Как только они не смогут больше опираться на государство, их могущество сразу исчезнет. Что же касается более упорных, более сильных, они будут сведены нанет коллективной мощью бедных и беднейших крестьян, равно как и сельских батраков, всей этой массы, ныне обреченной на немые страдания, и которую революционное движение вооружит непреодолимой мощью». («Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция», Т. II, стр. 59. Почти дословно тоже самое в „Письмах к французу", Т. IV, стр. 189).

В. Я, однако, не вижу достаточной обоснованности всего вами сказанного. Почему я должен думать, что гражданская война будет пробуждением именно инициативы, интеллектуального, морального и материального развития народа, а не пробуждением антисоциальных и антиморальных качеств народа? Кроме того, надо думать, что свобода найдет в гражданской войне, как это произошло в России, не поддержку, а свою могилу. В войне всех против всех едва ли возможен другой исход.

Бакунин. «Гражданская война, столь пагубная для могущества государств, напротив того, и как раз по этой самой причине, всегда благоприятна пробуждению народной инициативы и интеллектуальному, моральному и даже материальному развитию народов. Причина этого очень проста: гражданская война нарушает, колеблет в массах баранье состояние, столь дорогое правительствам и превращающее народ в стада, которые пасут и стригут по желанию. Она порывает оскатинивающее однообразие их ежедневного существования, машинального, лишенного мысли и, заставляя думать над претензиями различных принцев или партий, оспаривающих друг у друга право угнетать и эксплоатировать их, приводит их чаще всего к сознанию, если не продуманному, то, по меньшей мере, инстинктивному, той глубокой истины, что как одни, так и другие не имеют права на них, и что намерения их всех одинаково дурны. Кроме того, с момента, как обычно усыпленная мысль масс просыпается в одном направлении, она неизбежно начинает работать и в других направлениях. Ум народа возбуждается, порывает со своей вековой неподвижностью и, выходя за пределы машинальной веры, разбивая иго традиционных и окаменелых представлений или понятий, которые земеняли ему всякие мысли, он подвергает все вчерашние кумиры страстной суровой критике, направляемой его здравым смыслом и его честной совестью, часто более стоющей, нежели наука. Так пробуждается ум народа. С умом родится в нем священный инстинкт, чисто человеческий инстикт бунта, источник всякого освобождения, и одновременно развиваются его мораль и его материальное благосостояние, дети-близнецы свободы. Эта свобода, столь благодетельная для народа, находит поддержку, гарантию и поощрение в самой гражданской войне, которая, разделяя его угнетателей, эксплоататоров, опекунов или господ, необходимо уменьшает зловредное могущество тех и других». («Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция», Т. II, стр. 111-112).

В. Прежде чем закончить нашу беседу, я хочу задать вам еще один вопрос, правильное решение которого имеет громадное значение для революции. Опыт показывает, и в этом нельзя сомневаться, что страна, поднявшая знамя социальной революции, об'ятая пламенем гражданской войны, подвергнется нападению извне. Международная буржуазия, во имя собственного спасения, постарается вооружить обманутые народные массы и двинуть их на подавление восставшего против ее господства народа. Сможет ли тогда восставшая страна защитить себя? Не погубит ли ее эта гражданская война? Не отдаст ли она революцию в руки озверелой международной буржуазии, в окружении которой революционная страна будет находиться? Не приведет ли „эта внутренная борьба между обитателями каждой общины, к которой прибавится еще борьба общин между собою", к победе интервенционистов и к восстановлению опять того же государственно-капиталистического режима?

Бакунин. «Нисколько. История показывает нам, что никогда народы не чувствовали себя такими сильными во внешних отношениях, как в те моменты, когда они внутри представляли из себя взбаламученное море, и что, наоборот, никогда они не были такими слабыми как тогда, когда они были об'единены какой нибудь властью или, вообще, когда среди них господствовал стройный порядок. В сущности, это вполне естественно; борьба это — жизнь, а жизнь это — сила. Чтобы убедиться в этом, сравните две эпохи или даже четыре эпохи своей истории: во-первых, Францию после Фронды, развившуюся и закаленную в боях, благодаря борьбе Фронды в молодые годы царствования Людовика XIV, с Францией в его старости, с монархией, твердо установившейся, об'-

единенной, умиротворенной великим королем, — первая, полная побед, вторая — идущая от поражения к поражению, к крушению. Сравните также 1792 г. с теперешней Францией. В 1792 и 1799 гг. во Франции шла отчаянная гражданская война; движение захватило всю республику, повсюду велась борьба на жизнь и на смерть. И, однако, Франция победоносно вела войну почти со всеми европейскими державами. В 1870 г. Франция, успокоенная, об'единенная в империю, побита германской армией и до такой степени деморализована, что заставляет дрожать за свое существование». («Письма к французу», Т. IV, стр. 190-191).

Г. Максимов.

Банкротство рабочего реформизма в Испании

(МТР). В течении всего времени участия социалистов в испанском кабинете, Всеобщий Рабочий Союз (ВРС) не вел забастовок. Деятельность и рабочая борьба Национальной Конфедерации Труда (НКТ) обзывалась социалистическими политиканами „игрой на руку фашизма" и социалистическое правительство преследовало революционных рабочих с варварской жестокостью. Специальные законы, проводить которые помогали социалистические министры и депутаты парламента в целях „большей безопасности республики", писались для того, чтобы парализовать работу революционной НКТ.

Затем ситуация изменилась. Социалисты потеряли места в кабинете и ВРС вдруг начал об'являть забастовки. Сам Ларго Кабалльеро скоро заявил, что для государственного переворота, который посадил бы социалистическую партию в правительственное седло, необходим единый фронт.

Социал-демократические лидеры обратились к НКТ с предложением этого единого фронта, составленного из всех рабочих элементов. Кончено, они сделали это с характерной для них околичностью: предложение не было сделано революционной рабочей организации прямо и откровенно, но социал-демократические лидеры в бесчисленных речах и в прессе начали подчеркивать необходимость „единого фронта". Однако, они остались глухи, когда НКТ потребовала, чтобы ВРС ясно определил свои позиции в отношении революционных целей и тактики Труда. (Смотри опубликованную в № 79 „Дела Труда" резолюцию НКТ). Многие рабочие организации надеялись, что ВРС действительно желает об'единенного фронта, и даже делали практические предложения как достигнуть желательной цели. Но ВРС оставался молчаливым. Затем Ларго Кабалльеро снова заявил, что единый Фронт необходим для обеспечения политической власти его партии! Национальный Комитет НКТ опубликовал поэтому случаю манифест, в котором обрисовал нечестность и двуличность Соц.-Дем. партии Испании и ВРС. Задолго до этого ВРС обнаружил свою полную несостоятельность, неспособность и банкротство в практическом ведении рабочей борьбы. Строительный союз в Мадриде об'явил в марте всеобщую стачку за 44 час. неделю. Хозяева отказались удовлетворить требование несмотря на то, что арбитражная комиссия вынесла решение в пользу рабочих. В это же время об'явили стачку печатники Мадрида, как протест против локаута, об'явленного реакцинной газетой „Азбука". Стихийно вышла на стачку вся металлическая индустрия столицы, требуя 44 час. недели. ВРС руководил этими забастовками, так как большинство мадридских рабочих организаций контролируются им. Для Соц.-Дем. рабочей организации представлялся великолепный случай организовать могущественное революционное рабочее движение в столице страны. Время назрело и ситуация была самая благоприятная. Но вместе этого ВРС добровольно парализовал всю борьбу, разбив большое стачечное движение на ряд мелких и беспомощных стачек. Так, например, лидеры ВРС приказали печатникам стать на работу на том основании, что хозяева дали платоническое уверение, что „они не симпатизируют издателям „Азбуки"! Когда печатники стали на работу, тогда они поняли, что они околпачены: большое число их было уволено и от многих других были отняты их прежние социальные права. Рабочие были возмущены такой двуличностью своих хозяев, но ВРС настаивал, чтобы они оставались на работе: „недоразумение будет выяснено позднее", говорили они.

Строительный союз капитулировал перед решением арбитражного комитета, обещавшего им 44 час. неделю, хотя было очевидно, что хозяева будут опять саботировать это решение. Только металлисты остались твердыми и продолжали забастовку. НКТ приняла самое активное участие во всех этих стачках и в трех случаях она требовала от ВРС об'явления

всеобщей стачки в Мадриде. Это был единственный революционный путь и практический метод обеспечить победу за рабочими. Однако, ВРС делал все возможное, чтобы пред'отвратить всеобщую стачку. Вследствии этого НКТ опубликовала заявление, в котором обрисовала настроение соц.-дем. рабочих организаций и их полную неспособность руководить каким бы то ни было революционно-массовым действием, несмотря на громкие революционные фразы и угрозы ВРС перед началом стачки.

ВРС потерпел такое же поражение в Каталонии, где он имеет, между прочим, очень мало последователей среди рабочих. Он организовал в Каталонии, так называемый, „Рабочий Альянс", в котором представлены самые разнообразные элементы: мелкие землевладельцы Каталонии, политически очень близкие к правящей партии Эскверры; коммунистическая оппозиция, ВРС, социал-демократы и „автономные" синдикальные рабочие организации реформистского направления, — собственно, те, которые следуют за бывшими а.-с. Пестанья и Пейро. „Рабочий Альянс" является главной организацией Каталонии, поддерживающей Ларго Кабалльеро; главная деятельность его состоит в аттаке на НКТ. Коммунисты и реформисты работают в „Альянсе" рука об руку. Этот „Альянс" об'явил на 12 марта всеобщую стачку в Каталонии. Это было сделано по соглашению с ВРС в Мадриде, который предполагал этим маневром укрепить свою руку в столице. Однако рабочие Каталонии не ответили на призыв „Альянса". Только в небольшом городке Сабаделле, в котором преобладают реформисты толка Пестанья, рабочие вышли на стачку, в большинстве же других городов стачка носила частичный и изолированный характер, а в Барселоне вообще не было стачки.

Рабочие массы Каталонии, которые так часто доказывали преданность и героизм в рабочей борьбе, руководимой НКТ, продемонстрировали, что они ничего общего не имеют с партией диктатуры социал-демократии.

Социалисты-реформисты ВРС своими действиями просто разбивают и ослабляют силы испанского рабочего движения. С другой стороны все более и более становится очевидным, что ВРС должен рассматриваться как орудие в руках беспочвенных политиканов, видных социалистов, бывших раньше в испанском кабинете, которые в течении двух лет их правления систематически подавляли всякое революционное рабочее движение силой оружия и оптовым истреблением рабочих.

Неудивительно, что при таких условиях фашизм быстро развивается в Испании. Реакционные силы растут с каждым днем. 8-го апреля имел место огромный фашистский парад под руководством небезызвестного Гила Раблеса, в котором принимали участие одетые в форму разбойники из Испанской Фаланги. Правительство шаг за шагом капитулирует перед реакцией. Уже приготовлены концентрационные лагери — с предупредительной ссылкой на так называемый закон о бродяжничестве, который социал-демократы помогли провести. Каждый, однако, знает, что первые, которые займут эти лагери, будут наиболее активные революционные рабочие. Уже теперь более 15,000 революционеров НКТ и Иберийской Федерации Анархистов заключено в испанские тюрьмы: многие приговорены на долгие сроки, трем угрожает смертный приговор, хотя смертная казнь и устранена из испанской конституции. Вся свободная пресса задавлена, но НКТ все еще живет и борется. Несмотря на все опасности и трудности НКТ подготовляет сильное оппозиционное движение против угрозы фашизма и организует рабочие силы Испании в действительный и подлинный революционный единый фронт.

ОТЧЕТЫ

ОТЧЕТ О ЛЕКЦИОННОМ ТУРЕ.

Федерация Русских А.-К. Групп Соед. Штатов и Канады, по примеру прошлого года, послала меня в лекционный об'езд по группам, который, можно сказать, почти закончен: осталось посетит только С.-Луис и прочесть несколько лекций в Чикаго, в Лос-Анжелес и С.-Франциско я отказался ехать за неимением времени и потому, что это связано с большими расходами, ибо между С.-Луисом и Лос-Анжелесом наша Федерация, к сожалению, не имеет групп.

В прошлом году мне пришлось вести борьбу только с большевиками, вернее с большевиствующими, потому что в русской колонии очень мало партийных большевиков, в этом же году я подвергался атакам с трех фронтов: рассвето-пробужденцы, большевики и социалисты.

Об'езд я начал с *Детроита.* Лекции происходили в помещении кооперативного ресторана, что на Россель улице, где ютятся все, так называемые, „россельские организации", т. е. рассвето-пробужденческие организации. Эти организации, обозленные моими разоблачительными статьями в „Дело Труда" („Рассвет"—проводник русского фашизма" и „Пробуждение" и анархическое движение"), на которые они не в состоянии были ответить, (их ответ, косвенный, сводился к тому, что они называли меня в „Рассвете" дураком, склоняя это слово во всех подежах), решили дать мне генеральное сражение на родной почве, которое и проиграли. Описывать некрасивые поступки

рассвето-пробужденцев Детроита я не стану, они описаны в корреспонденциях товарищей Коваленко и Сабодаша. На пяти моих лекциях присутствовало 295 слушателей, т. е. 59 на лекцию; низшая посещаемость — 40, высшая — 85. Группе лекции обошлись в 22 д. 50 с. Наша детроитская группа состоит из преданных и активных работников, отличается хорошей внутренней спайкой и товариществом.

Из Детроита я направился в Кливеланд, где читал для местного отдела Р.О.О.В. Здесь, при активном участии товарища Соловьева, было устроено две публичных лекции и одно собеседование. На собеседовании были товарищи, которые считали, что мои статьи против „Рассвето-Пробуждения" и борьба „Дела Труда" с этим „направлением" вредно отражаются на анархическом движении и, пожалуй, некоторые, подозревали, основываясь на детроитской клевете, что я пробольшевик. В общем собеседование прошло в мирном дружественном тоне. Кливеландцы, конечно, призыву „Рассвета" бойкотировать мои лекции не последовали, наоборот, тов. Фищенко, например, публично поблагодарил меня за лекцию и помогал разоблачать большевиков, главари которых (Лубешко, Гарнец и Голиков) присутствовали и пробовали возражать. Недовольным оказался один рассветовец Н. Приходов, который написал в „Рассвете" („Ответ Колокольцеву", 15 января, 34 г.) следующее: „Недавно я видел еще двух интернационалистов в Кливеланде. Оба читали лекции — Девяткин и Максимов. Тема лекций — одна и слова одни, точно они родные братья. Мой совет всем русским: гнать в шею людей, подобных Девяткиным". Повидимому Приходов позавидовал лаврам Шаврука и очень плохо сделал, потому что стыдно так лгать: на лекции то он был не один, а свыше 80 человек. Вторая лекция, по причине плохой погоды была малолюдной — присутствовало человек 30. На обоих лекциях было свыше 110 слушателей; лекции обошлись Отделу в 9-ть дол. На квартире Соловьева было собрано 3.50 на политических заключенных. Наша кливеландская группа небольшая и слабая, но она имеет все шансы на дружную работу с Отделом РООВ, среди членов которого много нам сочувствующих, большинство из коих все бывшие союзовцы, которые не прочь возобновить деятельность. Из Кливеланда я должен был поехать в Акрон, но произошла путаница с расписанием тура и, чтобы исправить ошибку, я оставил Акрон и поехал в Юнгстаун, где прочитал одну лекцию вместо трех, и вернулся снова в Акрон, где читал две лекции вместо назначенных трех. В виду создавшейся путаницы, юнгстаунцы не подготовились надлежащим образом и лекция была малочисленной — 25 человек вместе с Шакулой, который тоже последовал примеру Шаврука и сознательно написал в своей корреспонденции, подписанной „Присутствующий" („Максимов и большевики", „Рассвет", 27 дек. 33 г.) слова лжи: „Лекция читалась на тему „О Кронштадтском восстании", в которой лектор пояснял действия кронштадтских матросов и действия большевиков. Хотя Максимов говорил против несправедливости большевиков Ленина и Троцкого, но все же в каком то легком тоне, так что чуть не одобрял поступок последних". Жаль, что Шакула поскользнулся и упал в моральное рассветовское болото. У меня возникает вопрос — краснеют-ли люди от стыда, когда пишут ложь или нет? Хотелось бы получить ответ на страницах „Рассвета", ибо там много людей знающих в этом толк. Юнгстаунской группе лекция обошлась свыше восьми дол. На двух лекциях, прочитанных мною в Акроне, было свыше 150 слушателей. Большевики, возражавшие и ругавшие меня в прошлом году, сидели смирнехонько. На этот раз они выставили своего лидера, украинца Кульчицкого, который вышел возражать мне, вооружившись брошюрами Маркса-Энгельса-Ленина, и торжественно сел в галошу, потому что прочитать выдержку не значит опровергнуть доводы, надо еще доказать, что мысль выдержки оправдана жизнью, а этого доказать он не мог. Лекция обошлась нашей группе в 5.65.

В Юнгстауне мы имеем довольно большую группу, но она за последнее время мало проявляет активности. Не мешало бы товарищам оживиться и попробовать начать работу в массовых организациях. В Акроне мы имеем совсем слабую группу, но зато много симпатизирующих, из которых группа могла бы создать солидную организацию и энергично повести борьбу против белогвардейщины и большевизма. Товарищи Дубатовка и Старцев, надо попробоать — попытка не пытка.

В Нью-Кестле читал для Отдела Р.О.О.В. две лекции, устроенные по инициативе тов. Осипука, ревнителя просвещения в русской колонии этого города, Гринцевича, Ткачука и Сазоника. Здесь мы не имеем группы, но тов. Осипук охотно предложил свои услуги для распространения журнала „Дело Труда". Отсюда поехал в Балтимору, самый длинный и утомительный путь, где меня встретили два наших неутомимых товарища — Серодоенков и Сопко. Благодаря их энергии и преданности делу освобождения трудящихся и могли состояться здесь лекции, как в прошлом году, так и в этом; — они взяли на себя все материальные расходы, которые выразились в 28.27. В Балтиморе было прочитано 4 лекции, на которых присутствовало свыше 240 слушателей. Рассвето-пробужденческая организация, не в пример Детроиту, вела себя очень хорошо, можно даже сказать дружественно, и тов. Жук не отказался войти в резолюционную комиссию: на последней лекции были вынесены две резолюции — одна против германского фашизма, другая против большевистского режима. На этой же лекции был устроен сбор в пользу политических заключенных, который дал 6.88.

В Филадельфии мы имеем самую большую и активную группу (Землячество), от имени которой я прочитал 4 лекции и одну для Отдела Р.О.О.В., что на 414 Грин улице. Лекции посещались гораздо лучше, чем в прошлом году — на всех лекциях присутствовало 275 человек. Большевики (Николаюк и др.) пробовали возражать и после лекции хвалились, что они меня на диспуте разобьют в пух и прах, но о диспуте они всегда начинают говорить, когда мне приходится уезжать.

Отдел РООВА, где работают наши товарищи (Белопол, Бойчук, Петров и др.) имеет свой роскошный дом с огромным красивым залом вверху и огромной столовой внизу. Мне выпало на долю встречать новый год в этом доме вместе с членами Общества и их гостями. Было шумно и весело. Я с удовольствием провел там вечер. Группе лекции обошлись в 12 дол.

Из Филадельфии я направился в Честер, где, по инициативе Гуманюка, Крижановского, Басисты и Леви, Отдел Р.О.О.В. устроил три лекции. Стояли страшные морозы, такие, что позамерзали даже водопроводные трубы, поэтому посещаемость первых двух лекций была очень низкой. К третьей лекции потеплело и посещаемость поднялась до 60 чел. Всего же на трех лекциях было 112 слушателей. Лекции обошлись Обществу в 9 или нес-

колько больше дол. Группы в Честере мы не имеем, но сочувствующих и готовых активно помогать имеем.

В Нью-Иорке группа не меньше филадельфийской и активная, может много сделать, если только увеличит свою активность. Она может стать организующим центром для восточных штатов. Первые три лекции посещались хорошо — около 360 слушателей. Оппонентами выступали тов. Мансветов, Алексеев, некоторые большевиствующие и националиствующие. После этих лекций я уехал на неделю в Коннектикут штат, где мы не имели ни одной группы. Здесь пришлось, как выразился тов. Березовский, выполнять роль ледокола. Начал с Нью-Гевена, где большевики сорвали с большим скандалом первую лекцию. Был мобилизован весь нью-гевенский Третий Интернационал, который после первой победы, был затем разбит на голову. Своим скандальным поведением большевики проиграли в глазах массы и возбудили энергию у наших бывших союзовцев, которые отошли было от общественной революционной деятельности — они быстро сплотились, большевики были взяты в железо и остальные две лекции прошли спокойно. Такие ребята, как Гордеенко, Кривошей, Огородник, Донченко, Буря, Балаш, Кондратюк, Макаревич, Басюк, Приходский и др., организовавшись, могут сделать большое и полезное дело, смогут, по крайней мере, отстоять свое Общество Взаимопомощи от захвата большевиками. Я надеюсь, что они организуются. Из Нью-Гевена ездил на одну лекцию в Вотербури, устроенную по инициативе тов. Арсенюка, Ткачева и Курсана. Большевики выписали из Нью-Иорка Солтана и устроили в тот же день и час свою лекцию, но номер не прошел — публика к ним не пошла и им пришлось вместе с лектором придти послушать мою лекцию о большевиках и Октябрьской Революции. Ожидали скандала, но его не было — большевики убоялись, и удовлетворились криком и руганью во время моего ответа на возражения их лектора. На лекции присутствовало около 150 человек. Устроителям лекция обошлась в 12 дол. Я очень жалею, что мне, за отсутствием времени, — (торопился на вечернюю лекцию в Нью-Гевене) — не удалось потолковать с товарищами и познакомиться с ними поближе. Последняя лекция в Нью-Гевене прошла очень спокойно. На всех трех лекциях в Нью-Гевене было до 400 чел. Лекции обошлись в 13 дол.

В Бриджпорте Отдел Р.О.О.В., по инициативе тов. Шеляга, устроил одну лекцию, на которой было около 70 чел. Большевики шумели, пытались сорвать лекцию, но дела до конца не довели, так как боялись, не знали как велика наша сила и как велико подкрепление, прибывшее из Нью-Гевена и лекция окончилась без особых приключений. Устроителям лекция обошлась в 9.95. Из Бриджпорта снова приехал в Нью-Иорк, где прочитал две лекции, посещаемость которых была гораздо ниже первых, об'ясняется это поспешностью в устройстве и ошибками в газетных об'явлениях. Диспут с социал-демократами (Вилацер) завершил мое пребывание в Нью-Иорке. На всех лекциях, включая диспут (150 чел.), присутствовало свыше 620 слушателей. Лекции обошлись около 45 дол. Во время нью-иоркского стояния я ездил в колонию Стелтона, где прочитал лекцию „Россия сегодня и завтра“. Было около 30 колонистов.

Из Нью-Иорка во второй раз поехал в Акрон, где прочитал для местного Отдела Р.О.О.В. две лекции, на которых было, наверное, больше 150 чел. На этот раз главным моим „возразителем“ был Митенко, член Соц. Раб. Партии. Устроителям лекции обошлись около 15 д.

Акроном закончился мой девятинедельный тур, в течении которого я проделал на „босе“ 2223 мили, посетил 13 городов, прочитал 37 лекций и провел один диспут. Общее число слушателей моих лекций равняется 2,737, т. е. средняя посещаемость каждой лекции равна 72. Общий расход по лекциям равен 194.82, из этой суммы на долю лектора падает за 9 недель 86.80. В этом году мне не пришлось побывать в Ири и Аустенбурге, где читал по одной лекции в прошлом году, зато побывал в 4-х новых местах — Нью-Гевен, Вотербури, Бриджпорт, Стелтон. Поле пропаганды, следовательно, расширилось немного. В прошлом году читал только для двух Отделов Р.О.О.В., а в этом для шести, следовательно, влияние наших идей растет, а вместе с ним и симпатии к нам. Это влияние нужно организационно закрепить и усилить, а для этого нужно стать ближе к массовым организациям и проявить больше групповой активности, больше внимания нашему органу „Дело Труда“ и более активное его распространение. Нужно крепить нашу работу!

В заключении приношу сердечную благодарность всем товарищам за их радушный прием и хорошее отношение. Особая благодарность тем товарищам, у которых мне приходилось жить во время странствия и испытать на себе их заботы обо мне — Тов. Зубриным, Соловьеву, Старцевым, Осипуку, Серодоенкову, Сопко, Кунцевичу, Крижановскому, Самусиным, Балашу, Донченко и Шелягу.

С тов. приветом *Г. Максимов.*

Примечание.

За неимением места в №№ 78, 79 и 80 „Дела Труда“ печатание отчета пришлось отложить до настоящего выпуска. За это время я побывал в Ст.-Луисе, где прочитал три лекции, на которых присутствовало 111 человек, и столько же лекций прочитал в Чикаго, на которых, несмотря на противодействие со стороны „Рассвета“, присутствовало 130 — 140 слушателей.

Ст.-Луису лекции обошлись в 15,05, а Чикаго около 1,15. Общий расход по всем лекциям тура (44) равен 211,37, из которых на долю лектора за 11 недель приходится 96,80. Общее число слушателей всех лекций, включая диспут, равно 2978, т. е. средняя посещаемость равна — 68, а стоимость каждой лекции немного выше 4.80.

Г. М.

КЛИВЕЛАНД, Огайо.

Интернациональная группа гор. Кливеланда устроила 25 марта предприятие в пользу политических заключенных, которое дало 21 дол. 50 с. чистого дохода. На лекции тов. Максимова было собрано 3 дол. 50 с. Всего в пользу политических заключенных 25 дол. За журнал „Дело Труда“ № 78 — 2 дол. 50 с. и один дол. в фонд „Д. Т.“ лично от меня. Общая сумма — 28 дол. 50 с. Сейчас высылаем вам 25 дол., а остальные 3 дол. 50 с. вышлем несколько позже.

С тов. приветом
П. Кутыловский.

Отчет о розыгрыше часов в пользу „Дела Труда“

Общий приход от продажи розыгрышных билетов — 47.70. Расход: (печатание билетов — 3.00, пересылка часов — 0.38) — 3.38. Чистая прибыль — 44.32.

Розыгрыш состоялся в воскресенье, 24 Июня, на пикнике, устроенном итальянскими товарищами, в котором принимала участие и наша группа.

Выигрыш пал на № 77 из Чикаго, куда и отосланы часы.

Группа г. Кливеланда приносит сердечную благодарность всем группам Федерации, принявшим участие в продаже билетов, а также и отдельным товарищам. Особую благодарность группа приносит нашему кливеландскому товарищу Е. С., пожертвовавшему часы на доброе дело.

С товарищеским приветом

И. Кутыловский.

СТ.-ЛУИС, Мо.

Отчет группы Ст.-Луиса и Медисона по Балу 22 апреля 1934 г.

ПРИХОД: Буфет и закуски — 68,00; входные билеты — 45,75; за цветы — 9,25. Общий приход — 123.00.

РАСХОД: уплочено за залу — 18,00; музыка — 16,00; напитки — 25,90; цветы — 3.00; с'естные продукты — 5,50; папиросы, жвачка и фисташки — 4,55; печать и бар-чеки — 1,70. Общий расход — 74,70. Чистая прибыл — 48,30.

Полученная прибыль распределена нижеследующим образом: на издание Федер. органа „Дело Труда“ — 28,00; на политических заключенных России — 15,00; на издание брошюры Кропоткина „Анархизм“ — 5,00; почтовые расходы — 0.30.

Группа приносит всем посетителям и друзьям большую благодарность за оказанную помощь на доброе и культурное дело. Группа особенно большую благодарность приносит тов. женщинам — СУКАЛО и МАСЛОВСКОЙ за их усердные услуги по продаже цветов.

С тов. приветом

Группа Ст.-Луиса и Медисона.

ЛОС АНЖЕЛОС, Кал.

Финансовый отчет Союза Русских Рабочих гор. Лос Анжелоса от 26 августа 1933 по 24 апреля 1934 г.

ПРИХОД: чистая прибыль от пяти предприятий — 92,76; продано литературы — 8,46; пожертвовано в фонд литературы — 8,55; пожертвовано одним товарищем в пользу организации — 1,50; за членские билеты в пользу политических заключенных и за фотографии Рогдаева — 4,30; собрано по подписному листу на выкуп книги Н. Махно — 15,00. (На выкуп книги жертвовали: Шваб, Горов, Леонов, Рискин, Моисеев, Косов, Токер, Гальперин, Соков, Тоби по 1 дол. и Малиновский 5 дол. Деньги высланы в Нью Йорк тов. Данилюку). Общий приход — 130,57.

РАСХОД: Кассовый дефицит по 26 августа 1933 г. — 1,75; выслано „Дело Труда“ — 25,00; политическим заключенным — 10,00; политическим заключенным Испании — 5,00; Газете „Мен“ — 10,00; газете „Фридом“ — 15,00; на уплату долгов — 25,00; организационные расходы — 12,93; выслано на выкуп книги Махно — 15,00; Общий расход — 119,68.

ПРИХОД: 130,57. Расход — 119,68. Осталось в кассе — 10,89.

Секретарь СРР

А. Шваб.

АНСОНВИЛЬ, Онт., Канада

Высылаю в пользу „Д. Т.“ 1 дол. 16 с., которые составились из пожертвований следующих лиц:

Я. Кульгавчук, А. Шишко, М. Готзуло — по 25 с. каждый, Наталия Кульгавчук — 10 с., С. Забудский — 31 с.

С тов. приветом

Я. Кульгавчук.

ЮНГСТАУН, Огайо

В фонд журнала, политическим заключенным в России и для Музея имени Кропоткина на собрании было собрано 32 дол. и 55 сентов. Деньги были собраны следующим порядком: из групповой кассы 15 дол. и 65 сентов и добровольных пожертвований в фонд журнала — 16.90; жертвовали следующие товарищи: С. К. — 5 дол., П. Ш. — 5 дол., П. В. — 2 дол., И. О. — 2 дол., К. У. — 1 дол., Д. Л. — 1 дол., А. Г. — 90 сентов.

Разделите данную сумму на три части: на журнал — 12.55, на музей — 10.00 и для полит. заключенных — 10.00

Шлем всем товарищеский привет и желаем всем Вам бодрости и энергии в настоящей и в будущей работе.

За секретаря: С товарищеским приветом

Д. Лычак.

НЬЮ-ГЕЙВЕН, Конн.

По подписному листу № 40 собрано тов. Кривошеем в фонд „Дела Труда“ 6 дол. 10 ц. Жертвовали следующие товарищи: Иван Кривошей — 1.00, Иван Житов — 1.00, Мартын Плавенев — 1.00, Н. К. — 50 с., А. Белаш — 25 с., С. Тарсен — 25 с., А. Ранецкий — 25 с., В. Шаров — 10 с., Т. Я. — 25 с., Петр Болаш — 50 с., С. Огороднин — 50 с., В. Прохоцкий — 25 с., П. Зубченок — 25 с. ВСЕГО: 6.10.

МОНТЕВИДЕО, Урагвай

Союз Российских Рабочих „Вижа дель СЕРРО“

По подписному листу № 1 союзом собрано в пользу „Дела Труда“ 29 уругвайских пезет.

Жертвовали следующие товарищи: Илья Ежов, Н. Я. Шимчук, Д. Самцов по 2.00; Д. Елак, Г. Чинчик, Иван Гуцко, Анастасия Самсоновна Траян, Юлия Ляхов, Василий Гайсанюк, Григорий Варварук, С. Давков, Хо. Синсик, В. С. Якимчук, Е. Гайсанюк, М. Захарец, В. Шталинский по 1.00; Д. Самцов, Юлиан Крапивницкий, Григорий Щигельник, А. Лисица, Иван Слука, Елена Нерлих, Стефан Антонов, Д. Бучацкий, Павел Касан, Иван Богуш по 0.50; Кирилл Бандовский — 0.10. За проданные номера „Дело Труда“ — 4.90. ВСЕГО — 29.00.

ФОНД НЕСТОРА МАХНО

Интернациональная группа Анархистов г. Чикаго „Фри Сосаэти“

По предложению тов. Максимова на собрании группы было собрано тов. Еленским в пользу больного Нестора Махно 22.00 дол., которые отосланы в Париж через тов. Дубинского.

Жертвовали следующие товарищи: Джо Гольдман — 5.00; Бен Кейпс, Еленский, Вайнберг, А. Сосновская, А. Лившиц, Ротман, М. Коган, М. Олей, Джо Гендман, Джек Левин по одному доллару; Роза Песота — 1.50 и из кассы группы 5.00. ВСЕГО — 22.00.

Союз Российских Тружеников г. Монтреаля

В пользу больного Нестора Махно Союзом собрано 7.90. Жертвовали следующие товарищи, которым союз приносит сердечную благодарность: М. Поратов — 2.00; С. Шишко — 1.00; С. Кравчук, Т. Саева, С. Горбач, В. Шехов, С. Лазарь по 0.50 сентов; Г. Зайко, К. Зайко, Н. Мисюра, А. Думчевский, П. Панасюк, С. Коваль, П. Щерба, Сомин по 0.25 сентов; Голись — 0.10; П. Головатин — 0.15. ВСЕГО — 7.90.

Одновременно с этим посылаем на „Дело Труда" от гру[illegible] от тов. Эм. Буданова — 0.50 сентов.

Отчет Чикагской Секции Международного Товарищества Рабочих Фонда Помощи Политическим Заключенным в СССР Анархистам и Анархо-Синдикалистам

(Сентябрь 1933 — Июль 1934)

ПРИХОД:

Остаток — 11.75; Поступило от подписчиков „Фрайе Арбайтер Штимме" — 162.75; Поступило от групп Федерации Русских Рабочих Организаций С. Ш. и Канады („Дело Труда") — 132.75; Поступило от „Воркер Сиркл" Бренчес (Отделы Рабочего Кружка) — 68.65; Поступило индивидуальных пожертвований — 135.00; Поступило за открытки Н. Рогдаева — 9.60. ВСЕГО: 520.50.

РАСХОД:

Рассылка 3.500 писем — 95.95; Типографские расходы — 64.00; Рассылка протест-открыток — 8.36; Расходы по посылке газет и журналов в ссылку — 3.00; Отправлено непосредственно в Россию — 5.65; Отправлено в Парижский Комитет — 200.75. ВСЕГО: 378.96.

ПРИХОД — 520.50; РАСХОД — 378.96; Осталось в кассе — 141.54.

Ревизионная Коммиссия:
М. ОЛЕЙ, Г. МАКСИМОВ
Секретарь Секции — Б. ЕЛЕНСКИЙ

ДЕТРОИТ, Мич.

Группа высылает вам 14 дол. 50 с., которые составились следующим образом:

За проданные журналы: — 7 дол. 50 с. В фонд „Д. Т." (Членские взносы) — 4 дол. 75 с. За литературу: „Рассвет" — проводник Русского фашизма" Коваленко — 25 с., Гаврилюк 20 с. Всего — 70 с. „Мое Социальное Кредо". Гаврилюк — 45 с., „Анархизм", П. А. Кропоткина. Сабодаш — 50 с., Гаврилюк — 50 с., Коваленко — 15 с. Всего — 1 дол. 15 с. Всего от продажи литературы — 2 дол. 30 с.

С тов. приветом *П. Гаврилюк.*

ОТЧЕТ Редакционной коллегии по изданию журнала „Дело Труда" № 80

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ: И. Волков, Чикаго — 2.50; М. Басалов, Брукфилд — 1.00; От группы Бетлегем — 3.00; Прогрессивное Землячество, Филадельфия — 5.00; Л. Лазарев, Рочестер — 1.00; Группы Кливеланда — 5.50; Середоенков, Балтимора — 8.00; М. Демидович, Джемспорт — 2.00; Союз Русских Рабочих, Монтевидео — 29 пезет (11.84 дол.).

В ФОНД „ДЕЛО ТРУДА": Группа Бетлегема — 3.00; Союз Русских Рабочих Лос Анжелоса — 5.00; Группа Нью Гевена — 6.00; Прогрессивное Землячество Филадельфии — 10.50; С. Феденко (через Прог. Землячество) — 1.00; Ф. М., Эмбридж — 1.00; Г. Зайко, Монтреаль — 1.00; Группа Кливеланда, от розыгрыша часов — 44.20; Середоенков, Балтимора — 3.00; Левинский, Балтимора — 1.00; Н. Феденко, Бетлегем — 2.00; И. Новик, Чикаго — 2.00. 5 дол., пожертвованных Т. Малым из Нью Йорка, войдут в следующий отчет.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР: Союз Русских Рабочих Лос Анжелоса — 20.00; Ф. М., Эмбридж — 1.00.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ: Группа Бетлегем, за „Анархизм" — 1.00; Л. Лазарев, Рочестер, за „Анархизм" — 0.25; Группы Кливеланда, за брошюру „Анархизм" — 2.50 и за другие книги — 6.00.

ИТОГО 147.79
ПЕРЕХОДНАЯ СУММА 8.20
ВСЕГО 155.99

РАСХОД:

Типография — 83.00; Экспедиция журнала — 10.47; Экспедиция брошюры „Грядущая Мировая Бойня" — 5.46; В комитет помощи политическим заключенным — 21.00; уплочено Волкову — 6.00; В комитет по изданию пятисентовой литературы — 3.75; Почтовый расход Федер. Секретаря — 1.40.

ВСЕГО 131.08
ОБЩИЙ ПРИХОД..........155.99
ОБЩИЙ РАСХОД..........131.08
ОСТАЛОСЬ НА № 81-й.................24.91

Расход по изданию 79-го № „Дела Труда"

(Отчет о приходе см. № 80)

Типография — 83.00; Экспедиция — 13.65; Экспедиция брошюры „Анархизм" — 4.30; В комитет политических заключенных — 43.00; Печатание и рассылка открыток подписчикам „Дела Труда" — 2.77; В типографию за брошюру „Анархизм" — 5.00; Волкову в счет взаимообразного долга — 2.00; В комитет по изданию пятисентовой литературы — 4.00; Пересылка Сборника — 0.10; Почтовый расход Федер. Секретаря — 1.60.

ВСЕГО: 160.02
ПРИХОД 168.22
ОСТАТОК........... 8.20

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

1. *Тов. К. Сабодашу, Детроит.* Ваша корреспонденция „Об об'единении" пойдет в следующем номере „Дела Труда".
2. *Рабочим Станка и Сохи Виже дель Серро, Монтевидео, Уругвай.* Ваше „Открытое письмо рабочих к трудовой интеллигенции" пойдет в следующем номере „Дела Труда".